

САМСОНОВА НАТАЛЬЯ

Отбор
не приговор

16+

Наталья Самсонова

Отбор не приговор

«Автор»

2020

Самсонова Н. А.

Отбор не приговор / Н. А. Самсонова — «Автор», 2020

В Эльфхиире, королевстве эльфов, объявлен отбор невест. И благородные эльфийки с искренним изумлением наблюдают за первой человеческой принцессой, что пытается завоевать сердце повелителя Эльфхиира. Лотанари знала, что рано или поздно выйдет замуж в интересах родного королевства. В конце концов, личная жизнь принцессы дело государственное и решаться это дело должно на самом высоком уровне. Вот только кто же дорешался до того, что ей придется стать первой человеческой девушкой в эльфийском отборе невест?! «Это ж какой позор. Позор-позорище! Толстая беременная клуша с глазами доброй коровы участвует в битве за сердце ушастого повелителя! Только у нас, только сейчас – спешите видеть! Я же урод в их одежде, Лима».

© Самсонова Н. А., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
ГЛАВА 3	17
Глава 4	27
Глава 5	37
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Наталья Самсонова

Отбор не приговор

Глава 1

Драрх – длинный плоский червь, живет в магически нечистых местах, обладает неприятным гнилостным запахом, используется в зельеварении. Откладывает яйца внутри еще живых существ.

Оришери – желто-зеленая ядовитая жаба, не используется нигде. Является синонимом к неприятному, бесполезному человеку.

Из зеркала на принцессу смотрела туповатая беременная клуша. Вот что с красивыми человеческими девушками делает макияж и платье по эльфийскому образцу.

– И что, я не могу поехать в своей одежде? – неверяще спросила Лотанари. – Я, принцесса Нериса, жемчужина королевской семьи, не могу забрать с собой свою одежду?!

Она была очень близка к настоящей, полноценной истерике. Лима, верная служанка, только вздохнула:

– Ваша матушка уже поссорилась из-за этого с вашим отцом. Его Величество Нордад был доведен до мигрени и сослал вашу матушку и вашу младшую сестру в Ясеновую Рощу.

– Но я урод, – всхлипнула Лотанари, – просто уродище! Моя тонкая талия в этих тряпках выглядит так, будто я уже пятерых родила и шестой на подходе!

– У эльфиек не принято подпоясываться, – Лима утешающее улыбнулась, – зато ваши светлые волосы станут предметом зависти всех эльфийских леди! Такой нежный оттенок меда большая редкость. Особенно сейчас, когда у них стало рождаться так много брюнетов.

Лотанари только вздохнула и приказала подать обычное, человеческое платье. И обязательно с тугим корсетом!

– Надеюсь, что носить этот кошмар мне придется не раньше, чем мы пересечем границу Эльфхиира. Ты что-нибудь узнала о предстоящем действе?

Служанка только хитро сверкнула зеленющими глазами и приложила палец к губам:

– Совершенно ничего, моя леди. Совершенно ничего. Не желает ли принцесса отведать спелых груш?

– Очень желаю, – кивнула Лотанари, – но сначала помощи переодеться.

Воздушный, многослойный эльфийский наряд сброшен на пол, а вместо него из гардеробной принесено любимое платье принцессы – гладкий серый шелк, простой крой. Платья такого фасона подходили Ее Высочеству Лотанари Шан Нейрин идеально. Очень обидно, что ей приходится покидать дом именно тогда, когда удалось ввести в моду эти наряды.

– И вот посмотри, посмотри же, Лима. – Лотанари изящно указало на зеркало. – Настоящая принцесса: высокая грудь, тонкая талия и крутые бедра. Без последнего я бы обошлась, но пришлось брать что дали. Увы, я пошла в матушку.

– Вы бы хотели пойти в папеньку? – удивилась служанка. – Боюсь, что пышные бакенбарды и широкие плечи были бы большей проблемой, чем бедра.

Лотанари шевельнула пальцами, и зеркало изменило ее отражение. Плечи раздалились, на щеках закурчавились рыжие баки. Ужас. Отражение подернулось рябью и исчезло.

– Осталось только стереть этот ужасный макияж, – нейтрально произнесла принцесса. – Вот скажи мне, для чего выбеливать ресницы и губы?

– Потому что эльфийки самых чистых кровей обладают слепяще-белыми волосами, такими же ресницами и бровями. – Лима передернулась. – Вы помните, как выглядит леди

Дьердре Глейрио? Последняя из рода Глейрио? Ее портрет висит в галерее, в темном углу. Отец этой благородной леди в свое время отказался выдавать дочь замуж, потому что не осталось достойных родов.

– Помню-помню, – хихикнула Лотанари. – Точнее, читала. Мне понравилось, как автор описал феерическое удивление короля Эльфхиира, который вызвал к себе лорда Глейрио и лично уточнил у зарвавшегося эльфа, точно ли во всем Эльфхиире нет достойных чистокровных женихов для Дьердре. В общем, стоит ли удивляться, что род Глейрио прервался?

– Еще не прервался. – Лима подала принцессе влажную салфетку. – Леди Дьердре пока жива и, по слухам, обладает скверным нравом. Правда, уже не сможет родить, триста лет не шутка даже для эльфов. Живут-то они до восьмисот, а вот родить могут только в молодости.

– В принципе, у людей так же, – пожала плечами Лотанари. – Мы доживаем до ста пятидесяти – ста восьмидесяти, но самый поздний срок для беременности и родов – шестьдесят лет. Итак, груши?

Лима торжественно кивнула и распахнула перед принцессой дверь. Лота вышла и тут же остановилась, позволяя служанке незаметно проскользнуть вперед. Лима, внимательно прислушиваясь и принимаясь, провела Лотанари до картины с грушами. За полотном находился рычаг, который открывал потайную дверь.

– Посидим в пыли или пойдем в заброшенную часть сада? – спросила принцесса.

– Как хочешь, – пожала плечами Лима и сверкнула желтыми глазами. – Мне все равно, но я бы не отказалась выпустить лису на свободу.

– Значит, в сад, – кивнула принцесса. Подруги, а принцесса и ее служанка были именно ими, устремились вперед по узкому слабоосвещенному коридору.

– Как будто в академию вернулись, – выдохнула на бегу Лотанари.

– Ага, ты бегаешь так же медленно, – кивнула Лима, – и так же бестолково скрываешь беспокойство.

– Люди не меняются. Мои покои опять прослушивают? – Принцесса перешла на шаг.

– Да. Не вижу смысла выискивать вредоносные заклятья – нам уезжать уже через два дня. Дотянешься?

– Нет, – фыркнула принцесса. – Я с прошлого раза не выросла, все-таки дочь королевских кровей, а не гриб на лесной поляне.

Лима, худая и высокая, рассмеялась своим неповторимым лающим смехом и легко дотянулась до рычага. Скрытая дверь в сад провернулась без малейшего скрипа. Не зря же подруги воровали на кухне масло и смазывали все механизмы в облюбованных тайных ходах. Не во всех, конечно. Такую искреннюю заботу испытали на себе лишь те отнорки, которыми подруги привыкли пользоваться.

– Ну, поведай мне, о хитрая лисица, что удалось вынюхать, – Лота прищурилась и рассмеялась, когда солнце превратило рыжие косы подруги в ярко-алое золото.

– Ты бы присела на корягу-то, – мрачно посоветовала Лима.

Удивленная и настороженная, принцесса поспешно плюхнулась на поваленный ствол. Вообще, эту часть королевского парка было не найти никому. Ни садовнику, ни Лотанари с Лимой. И это при том, что они знали, в какой стороне искать. Чудо чудное, которое позволяло девушкам общаться так, как они привыкли в академии.

– Правитель Эльфхиира, Идрис Эйлог Ллинос, устраивает отбор невест, – торжественно произнесла Лима.

На что Лота закатила глаза:

– Уж об этом мне мать с сестрой все уши прожужжали. Ах, какая прелесть, ах, какая радость. Ой, какое событие! Как же там будет интересно! Тьфу.

– Тебе будет особенно интересно, – хмыкнула лисица и припечатала: – О первая человеческая девушка в отборе для эльфийского Правителя.

Лота ахнула, подскочила на месте и поведала Лиме и миру, в каких позах и с помощью каких предметов мама с папой заделали Идриса Эйлога Ллиноса. И чем он болел, пока был маленький. И как часто падал, бедный, да все на голову.

– А я-то и думаю, почему это для меня пошили столько эльфийских тряпок, – прошипела принцесса. – Никогда людей не заставляли надевать аутентичные лесные наряды, а тут вот оно как! Вот же драхы паршивые! Вот же оршери ушастые!

Еще с минуту принцесса ругалась не самыми пристойными словами и вдруг замерла. Замерла, чтобы через мгновение расстроено всхлипнуть:

– Это ж какой позор. Позор-позорище! Толстая беременная клуша с глазами доброй коровы участвует в битве за сердце ушастого повелителя! Только у нас, только сейчас – спешите видеть! Я же урод в их одежде, Лима.

Лисица присела рядом с подругой и крепко обняла ее за плечи:

– Хочешь, я тебе пояс куплю?

– Предлагаешь сразу повеситься? – хмыкнула принцесса. – Так я это и на своей косе сделать смогу.

– Да ну, – усомнилась лисица.

– Ну да, – передразнила ее принцесса и страшным шепотом просветила: – Мне бабушка рассказывала, как правильно умирать. Если все плохо, честь потеряна и надежды нет, есть несколько способов. Для храбрых духом – откусить себе язык, для всех остальных – повеситься на пояс или на косе. Я даже скользящий узел умею вязать.

– Добрая у тебя бабушка.

– Опытная, пятерых мужей пережила.

– А умерла как – повесилась?

– Абрикосовой косточкой подавилась, не спасли, – вздохнула Лотанари. – Я так плакала, она же мне вместо мамы была. Мама-то с Риной возилась, лекарей не подпускала. Я иногда думаю, что сестра так тяжело болела, потому что ее недоучка лечила.

– Твоя мать самый известный целитель! – возмутилась Лима.

Принцесса фыркнула, сорвала травинку и ехидно спросила:

– То есть тебя не смущает, что все-все королевы Нериса – целительницы?

– Традиция? – предположила лисица.

– Ага, как только замуж вышла – почетный титул получила. У Ее Величества за плечами четыре курса Академии и пансион благородных девиц. Я бы ей не доверила себя лечить.

В маленьком заросшем саду повисла тишина. Принцесса остервенело кусала сорванную травинку и о чем-то размышляла. Лима, встав с коряги, растянулась на траве. Она хорошо знала подругу и понимала, что еще рано обращаться в зверя и убегать. У Лоты будут вопросы.

– И зачем им этот Отбор? – с отчаянием спросила Лотанари. – Ну зачем? Человечество отринуло столько пакостных традиций и обычаев, а ушастики цепляются за свои ритуалы как ненормальные!

Лима села и, пожав плечами, ответила:

– Считается, что именно такая церемония позволяет Правителю и его Цветку найти друг друга. Эльфы же не изменяют своим женам, а жизнь-то долгая!

– Да, наши мужчины тоже так говорят, – саркастически фыркнула принцесса.

– Да нет, Лота, эльфы в прямом смысле не изменяют. Им брачные клятвы не дают сходить налево. Так что к выбору супруги стоит подойти с умом.

– И что, все-все эльфы себе жен таким образом ищут? – недоверчиво сощурилась Лотанари.

– Таким не таким, а похожим. Эльфы друг перед другом соревнуются, мужчины стрелы пускают, женщины венки плетут и растения выращивают.

– В общем, демонстрируют не то, что нужно, – кивнула Лотанари. – Ладно у нас, у людей, «дурак» – причина уважительная, многое объясняющая. А эльфы почему глупят?

– Глупят? – удивилась Лима.

– Вот скажи мне, какая разница, сколько стрел муж выпускает за минуту, если он сморкается в скатерть, матерится через слово или и вовсе читать не умеет? Надо же как-то по-другому себе пару искать, если все так строго.

– Например? – прищурилась служанка.

Лотанари пожалала плечами и устроилась поудобнее:

– Я бы хотела знать нравственные качества своего будущего мужа. Значит, для начала, надо посмотреть, как он ведет себя с прислугой. Если бьет и кричит почему зря, значит, негодный, слабый человек.

– Как ты обласкала свою младшую сестру, – поперхнулась смешком Лима.

– А разве я не права? Толарина едва не умерла во младенчестве, и в итоге ее избаловали. Служанок за волосы таскает, по щекам хлещет. Ничем хорошим это не закончится. Доведет кого-нибудь из девчонок до случайного выброса магии, и все. Минус одна принцесса в династии и минус две жизни в королевстве. Потому что служанку, естественно, казнят. И кому от этого станет легче?

– Никому, – согласилась Лима.

– Но матушка и слышать ничего не желает. Все ждет, пока Рина перерастет да поумнеет. Хорошо еще, сестрица не знает, что я буду в Отборе участвовать.

– Она знает, потому ее и отослали. Чтобы ничего не успела тебе сделать. И твой папенька поставил твоей маменьке условие: либо за полгода из Толарины сделают нормальную принцессу, либо она пойдет в гарем к Акоханару.

– Как хорошо, что я от природы обладаю тихим и кротким нравом. – Лотанари освятила себя круговым знаменем и добавила: – А также не вижу смысла рвать горло. Спасибо, природа, за слабые связки, что даже при сильном желании не дают громко кричать.

Лима только головой покачала. Она не могла сказать, что принцесса была гордой обладательницей спокойного характера. Лотанари не была импульсивной, это да. И на крик не исходила, в драку не лезла. Вот только за словом в карман принцесса тоже не лезла, на кончике острого язычка всегда вертелось несколько колких фраз и пара ядовитых замечаний. Порой леди Нейрин язвила столь искусно, что придворные благодарили ее за комплименты. Что никогда не смущало Лотанари. «Если он так глуп, то пусть благодарит, – фыркала она на упреки матери и добавляла: – Ох, кажется, Рина опять на кого-то кричит». И Ее Величество всегда покупалась на эту немудреную отговорку.

– А вообще, – Лима поднялась на ноги и начала расстегивать платье, благо у служанок пуговички находились спереди. – Пусть проблемы с одеждой будут нашими самыми крупными проблемами. Я погуляю пару часов и вернусь.

На траву упало платье, а из-под него, недовольно отфыркиваясь, выбралась маленькая, тощая лисица. Мордочку животного пересекал глубокий шрам, еще несколько разместились на левом боку и спине. Лотанари тяжело вздохнула и искренне пожалела, что не смогла в свое время спасти подругу.

«Зато смогла спрятать, – утешила себя принцесса. – А у эльфов нам, может, и вольготней будет. Отбор не приговор, закончится рано или поздно. А Лима со мной останется, мы уж давно нерушимый контракт заключили».

Глава 2

Дни до отъезда пролетели незаметно. Только бедная Лима совершенно умоталась: согладаяи отца постоянно перерывали сундуки, чтобы, не приведи Божественная Четверка, принцесса не увезла с собой чего-нибудь важного. Или чего-нибудь позорного. Потому то Лотанари, то Лиме приходилось спать в обнимку с тяжелым ростовым луком и колчаном стрел. И принцесса не хотела думать о том, как будет объяснять отцу, если лук обнаружат, для чего ей это чудовище.

«Буду врать, что он мой», – пошутила принцесса, а лисица, сверкнув желтыми глазами, предложила подруге натянуть тетиву. Леди Нейрин была не из тех, кто привык отступать, но в этом случае она красиво округлила глаза и проворковала: «Не смею, о хитрейшая! Всем известно, что у лисьего оружия только один владелец!»

– Ну все, сегодня уезжаем, – выдохнула Лима и добавила. – Я твои кисти и краски к себе переложила, как будто мое. Вот кто бы мог подумать, что из всего многообразия человеческих занятий принцессам будет запрещено именно рисовать?! Не танцевать, не кататься на лошадях и даже не плавать, а рисовать!

Лотанари улыбнулась и легко объяснила:

– А все потому, что в состав краски и в состав контрацептивного зелья входят схожие ингредиенты. Наша династия чуть не прервалась именно так. Хотя я считаю, что стоило бы запретить принуждать женщин к браку, тогда бы некому стало заниматься ерундой. Ты просто представь: моя прабабка ела ядовитые краски, чтобы не понести от нелюбимого мужчины. И ведь ей до сорока лет этот финт удавался. Потом на нее донесла ближайшая подруга.

– Предательство, – фыркнула Лима. – Как человечно.

– Ну спасибо, – в тон лисице фыркнула Лота. – Нет, просто у прабабки начали отказывать внутренние органы, а целители никак не могли диагностировать причину. Королева потеряла сознание, и ее подруге пришлось решать: сохранить тайну или жизнь.

– Полагаю, подругами они быть перестали, – задумчиво произнесла Лима.

– Перестали, – кивнула Лота. – Прабабка потом все равно из башни выбросилась. Ее муж убил ее жениха на дуэли только ради того, чтобы жениться на первой красавице Нериса. Она так и не простила его.

– Нерис – королевство, Нит – столица, Нейрин – род. Фантазии у людей маловато, – проворчала лисица. – Знаешь, наши законы не лучше.

– Знаю, – вздохнула Лотанари.

Внезапно Лима подскочила на ноги и бросилась к сундуку. Вытащив из него свой многострадальный лук, лисица метким броском отправила его под кровать. Лоте не нужно было объяснять дважды, и она моментально оказалась подле своего секретера. Там уже давно лежал толстенный справочник «Эльфы: быт, традиции и ритуалы». Усевшись на изящный стул, она мастерски сделала вид, что увлечена чтением.

– Пошла вон, – приказал Лиме вошедший без стука мужчина.

У лисицы была прекрасно развита чуйка, и потому она не просто «пошла вон», а просто-напросто вылетела. Лотанари же, уронив книгу, подхватила на ноги и присела в глубоком реверансе. И, замерев в крайне неустойчивом положении, пыталась предугадать, с какой стороны «прилетит». Папа заметил отсутствие крыши на старой башне? Так ее все равно сносить собирались, да еще и доказать надо, что это принцесса огненный пульсар в руках не удержала. Или конюх все-таки пожаловался, что они с Лимой пытались самого злоющего жеребца оседлать?

«Знать бы, в чем каяться», – прикусила губу принцесса и осторожно выпрямилась. Вот только отец не спешил ее просвещать. Пройдя в покои, он грузно опустился в старое, но очень

удобное кресло. Лота как-то отстраненно подумала, что ей уже раз пять или шесть удалось отстоять любимый предмет мебели, а то мама все грозилась заменить его каким-то модным и жутко неудобным вариантом. Ведь «у принцессы должно быть все самое лучшее».

– Ты должна победить в этом драхровом отборе, – произнес неожиданно Его Величество Нордад.

Лотанари пожала плечами: зачем эльфийскому правителю человеческая жена? Породу портить? Но делиться своими мыслями принцесса не стала, а потому уклончиво ответила:

– Приложу все усилия.

– Не просто приложишь, – с усилием выдохнул Нордад. – Если не станешь ему женой – обратно не возвращайся. Впрочем, если станешь – тоже приезжать не надо.

От обиды у Лотанари перехватило горло:

– Так ты мне жеребца пожалел? Из-за коня дочь выгоняешь? Да его никто кроме не объездит, потому что с ним договариваться надо! Вы его сломаете и получите аморфного, ни к чему не...

– Лота! – прикрикнул король.

– А башню ты все равно собирался сносить, – буркнула принцесса.

– Ты высокородная леди, Лота, – устало вздохнул Нордад.

– Которой велено не возвращаться в отчий дом, – криво улыбнулась Лотанари. – Вот как распоясаюсь, чтобы вы меня надолго запомнили!

– А мы и так надолго запомним, не было еще такого, чтобы королевскую дочь при жизни отпели, – угрюмо произнес Его Величество и ударил кулаком по подлокотнику кресла.

– Я не сделала ничего такого, чтобы меня отпевать, – оторопела принцесса. – Пап?

– Сестре спасибо скажешь. Это она вычитала в старых книгах обряд передачи невесты-человека жениху-нелюдю. Драконы наш мир покинули, оборотни далеко, а эльфы – вот они, близко. Светлый Отец вцепился в эту идею, – король сжал переносицу пальцами, – у меня нет над церковниками власти.

Лота глубоко вдохнула, медленно выдохнула и села на подлокотник кресла, как в детстве, когда папа был папа, а не король, а потому, как все папы, был вынужден читать дочери сказки.

– Ничего страшного, – словно уверяя саму себя, выдохнула Лотанари. – Ничего страшного. Что за обряд?

– Ты посвящена Четырем с самого рождения, как и положено благородной нерисской девушке. Как ты знаешь, Четверо не отворачивают свой лик ни от кого, а потому нельзя вот так взять и отказаться от своих богов. Большое оскорбление.

На самом деле куда большим оскорблением был тон короля – саркастичный, пропитанный ядом и тоской.

– А потому ты будешь при жизни отпета и передана эльфам в гробу.

– В гробу, – повторила за отцом Лотанари. – Заколачивать будете?

– Это все будет весьма стилизовано, – Нордад скривился. – Суть в том, что вернуться ты не сможешь: Лотанари Шин Нейрин как бы повиснет между двух религий. И если ты не останешься в Эльфхири, то...

– То мне придется уйти в монастырь, молить богов обратить ко мне свои лики, – продолжила за отца Лотанари. – Вероятность того, что ушастый выберет меня, – ноль процентов. Ладно, добавлю пару пунктов за свою интересную личность – три процента, что я стану эльфийской королевой. А значит, по мнению Светлого Отца, я вернусь и поселюсь в монастыре. И что, в этом есть какая-то политическая выгода?

– Смотря как вывернуть, – король вздохнул. – Можно по-хорошему – старшая принцесса живет в монастыре и молится за всех жителей Нериса. А можно по-плохому – неурожай? Это потому что старшая принцесса Нериса от богов отвернулась, ушла, да потом обратно на святую землю вернулась. Ату династию Нейрин, ату.

Лотанари легко поцеловала отца в щеку и уверенно сказала:

– Не вернусь. Хотя королевой, хоть достопримечательностью, а в Эльфхиоре я останусь. Я знаю три языка, владею магией – устроюсь на работу.

– Если ты будешь так же «работать», как в Академии, – рассмеялся король, – то эльфы тебя дипломатической почтой обратно пришлют. Мне знаешь как стыдно было отчеты безопасников читать? Неужели тебе денег не хватало?

– Из казны неинтересно тратить, – хихикнула принцесса. – К тому же никто не пострадал.

– Кроме моей королевской гордости.

– Все было так плохо? – искренне удивилась Лота.

– Очень, – вздохнул король, – я читал очередной отчет и смеялся так, что ко мне целителя вызвали. Правильно, секретарь-то мне отчет подал под видом финансовой ведомости.

– Я даже не знала, что меня охраняют, – призналась Лота. – В Академии же безопасно?

– Я отец, – сурово ответил король и встал. – В общем, зови свою Лиму, пусть перекладывает свой лук обратно в сундук.

– Ты знал? – ахнула Лотанари. – Но зачем тогда обыски?

– Не только ты любишь поиздеваться над ближними, – подмигнул король и открыл портал. – Готовься, дочь. Платье я тебе сам подбирал, как и положено по обычаю: если дочь умирает незамужней, одежду для нее выбирает отец. В дверь осторожно проскользнула Лима.

– Слышала? – глухо спросила принцесса.

– Слышала. Никогда не хотела быть принцессой, – задумчиво произнесла лисица. – Теперь знаю почему. Это мне звериное чутье подсказывало, что власть лишь кучка драхтовых яиц.

– Они откладывают яйца внутрь живых существ. Людей, например, – вздохнула Лотанари.

– А я о чем? Власти без людей не бывает, как яиц драхтов без теплого и вкусного носителя. И, знаешь, для заигравшихся во власть людей конец, как правило, такой же, как и для доноров драхтовых личинок, – вонь, боль и ничего хорошего.

– Люблю твою образность, Лима.

– Твоя ничуть не хуже. А за лук я обиделась.

– Можно опять из всего папиного алкоголя градусы убрать, – предложила Лота. – Или лучше перетащить все запасы братцу в покои.

– Успеем? – прищурилась лисица. – Когда тебя отпевать-то будут?

– На рассвете, наверное. Как всех покойных. Тьфу, аж мороз по коже.

– Представляю лица эльфийской делегации, – мечтательно прижмурилась Лима.

Лотанари уныло кивнула:

– А я их мысли: «Человечка так хочет замуж за нашего повелителя, что даже на смерть пошла».

Лисица сочувственно вздохнула и тут же добавила:

– А это твой козырь, между прочим. Взять и принять участие в отборе может каждая дура. А вот пойти на прижизненное отпевание – не-ет, это работа для целеустремленной девушки.

– Вот только на фоне утонченных эльфийских леди я буду смотреться как кружка с элем в ряду хрустальных фужеров с благородным вином, – напомнила принцесса подруге.

– И это не изменится. Так что сделай так, чтобы остороухому захотелось эля, а не вина.

– Или как-то вытребовать себе право носить мужские вещи. Эльфийские, но мужские. – Лотанари прижала пальцы к губам. – Ты не знаешь, на этом отборе какие-нибудь подарки будут? А то мало ли скажут что-то вроде: «А теперь невесты могут одарить Повелителя». А у меня только личные вещи и пара памятных книг.

Лима развела руками:

– Не представляю. Обычные брачующиеся обмениваются самовыращенными цветочками.

– Хм? К дрархам перенос бутылок, – решительно произнесла принцесса. – Иди за лопатой, и встретимся у оранжереи. Сама я могу вырастить только чертополох!

– Так ты все же настроена убедить повелителя пить эль? – вскинула бровь Лима.

– Не попытаюсь – не... Подставь сама что-нибудь умное и мотивирующее.

– Если станешь королевой – не говори такого министрам, а то они наподставляют, а тебе потом подписывать.

Принцесса рассмеялась и в очередной раз отправилась переодеваться. Платье с тугим корсетом хорошо для лечения истерзанных нервов, а вот выкапывать цветы лучше в брюках. Или хотя бы в костюме для верховой езды.

Лима, убедившись, что подруга справится без нее, отправилась добывать лопату, а принцесса, переодевшись, устремилась к оранжерее. По дороге она, старательно отводя слугам глаза, думала о том, что по большому счету ничего страшного ни в отборе, ни в таком принудительно-добровольном браке нет. Она лет с пятнадцати усвоила, что личная жизнь принцессы – это дело королевства и не ей решать, с кем гулять под луной. И гулять ли вообще. Лота даже могла бы проявить энтузиазм в попытках получше показать себя повелителю Эльфхира. Вот только эльфийская мода призывала укрывать себя десятком слоев воздушной ткани. Традиция максимально скрывать фигуру у эльфов пошла откуда-то из глубин времен, а так как срок жизни у ушастиков велик... Мода сменится не скоро, очень не скоро.

– У меня, может, уже внуки будут, когда первая эльфийка решит подпоясаться, – проворчала Лота и поспешно остановилась, чтобы скользнуть в очередной тайный ход. Лотанари многое поражало в Лиме. Начиная от какой-то лесной, нарочитой простоты в деликатных вопросах, заканчивая невероятной скоростью передвижения. Вот и сейчас подруга встретила принцессу у развилки тайного хода. И, надо признать, с лопатой на плече рыжекося Лима смотрелась бесподобно.

– Не хватает только черного плотного мешка, как из-под единорожьего навоза, – хмыкнула Лота.

– Зачем нам навоз? – поразила лисица и тут же добавила: – А, поняла. Для удобрения. Пахнуть будет так, что эльфы не оценят. Единороги красивые животные, но вот отходы их жизнедеятельности... Как будто подкинул кто, не могут же такие прекрасные звери так вонюче гадить.

– Не знаю, – растерялась принцесса, – я как-то не сталкивалась.

– Но ты сама сказала про мешки.

– Это из детектива, – отмахнулась Лота. – Идем?

Лима серьезно посмотрела на подругу:

– А что, к сестре ты зайти не хочешь? Точнее, в пустующие покои сестры заглянуть не желаешь?

Лотанари тяжело вздохнула и честно призналась:

– Не хочу. Противно. За такую подлость надо наказывать серьезно, а не мелкие пакости подстраивать. Она ведь не просто эту старую традицию раскопала, она куда надо отнесла. Отец бы ее к такой-то матери послал, а вот Светлый Отец вцепился в идею как клещ.

Покивав, лисица хмыкнула и что-то шепнула принцессе на ухо. Та удивленно вскинула брови и задумчиво произнесла:

– А вот это разумно. Идем, навестим покои.

Два поворота, и подруги вышли в один из совсем не тайных коридоров. Еще один поворот, и они остановились перед двустворчатыми дверьми в будуар принцессы Талорины.

– Слишком много позолоты. У тебя совсем другие двери. – Лима поскребла когтем дверную створку. На пол медленно спланировала позолоченная стружка. Лисица, пренебрежительно хмыкнув, спрятала руки за спину. – Так себе качество.

– Покои старшей принцессы, – улыбнулась Лота. – На качество никто не жаловался.

Лима нахмурилась и принялась пересчитывать королевских детей вслух:

– Самый старший ребенок погиб, так?

– Так.

– Потом родился твой старший брат.

– Да.

– Потом ты.

– Угу.

– Потом принцесса Талорина.

– Да, – кивнула посмеивающаяся Лотанари.

– Это – покои старшей принцессы. – Лима ткнула пальцем в разукрашенные позолотой и драгоценными камнями двери.

– Абсолютно верно.

– Но старшей принцессой получаешься ты!

подавив очередной смешок, Лота толкнула попорченную дверь и вошла внутрь. Недоумевающая подруга устремила за ней.

– Когда я уехала в Академию, Талорина приняла решение переехать. Она искренне надеялась, что из Академии я не вернусь. Был большой скандал, но нам с отцом пришлось уступить. Рина слегла, матушка принялась порхать вокруг нее и приговаривать, что у старшего поколения семьи Нейрин нет сердца. Ведь малышке и без того досталось!

– И ты, как всегда, уступила младшенькой. – Лима внимательно оглядела будуар. – Почему?

– Привыкла.

– У нее есть вкус, – вынужденно признала лисица и, не сдержавшись, чихнула. – А вот с благовониями перебор. Уже не благо, уже просто... единорожий дух.

Лотанари рассмеялась и с достоинством ответила:

– Спасибо, очень приятно. В той части, где не про благовония.

– Что? – Лисица прикрыла рукой нос и посмотрела на подругу. – Ты еще и обстановку ей оставила?

Принцесса грустно улыбнулась и провела рукой по обитой мягким бархатом стене.

– Это мои покои, Лима. И пусть меня заставили уйти, ремонт здесь приживется только после того, как я покину дворец. Наш дом обладает собственной магией, и для того, чтобы изменить интерьер, нужно лишь желание и право на внесение правок. У Рины это право распространяется только на ее покои. Как, собственно, и у меня – я могу менять только свои покои. Эти.

– А те, в которых ты живешь сейчас? – тихо спросила Лима.

– Вот еще, – фыркнула принцесса. – Ты видишь, как легко я открыла двери? Думаешь, я бы жила там, куда Рина может с такой же легкостью войти? Я заняла свободные покои младшего принца. Потому и цветовая гамма там довольно холодная, мужественная. А также недалеко до библиотеки, тренировочного зала и лабораторий.

– Значит, в итоге ты выиграла?

Лота поджала губы и неопределенно хмыкнула. Выигрыш немного горчил, потому что мама с тех пор так толком с ней и не заговорила. Ведь бедной Риночке так тяжело жить в давящей обстановке скучной старшей сестры.

– Помоги-ка, – принцесса кивнула на массивное кресло. – Отнесем его в гардеробную. Оставлю сестрице послание там. Когда она подойдет к зеркалу, услышит и увидит меня.

– Нас, – плотоядно улыбнулась лисица.

– Нас, – согласилась принцесса и добавила: – Я думала, ты не знала, что Рина требовала передать тебя ей.

– Мне было очень смешно, – фыркнула лисица и напомнила: – Острый слух, острый нюх и так себе глаз. Оба глаза так себе, если честно.

С этими словами подруга в одиночку подняла кресло и, ориентируясь на подсказки Лоты, понесла его в гардеробную комнату.

– А уж мне-то как было весело, – мрачно вздохнула Лотанари и добавила: – Тяжело быть умной, красивой и магически одаренной старшей сестрой, когда твоя младшая не очень умная, не слишком красивая, не одаренная, да еще и больная. И мамина любимица.

– И ты бы предпочла стать как Толарина? – с насмешкой спросила Лима и со стуком поставила кресло перед зеркалом.

– Нет. Именно поэтому мне есть что сказать.

Чуть поправив кресло, Лота села в него, а Лима встала за спинкой кресла.

– Тебя, наверное, веселит, что старшую сестру при жизни признают мертвой? – мягко произнесла Лотанари. – Наверное, ты считаешь, что я бьюсь в истерике? Это не так. Ты здорово помогла мне Рина. После обряда я не смогу вернуться в Нерис, а знаешь, что это значит? Это значит, что я буду свободна и счастлива. Может быть, я надену малую эльфийскую корону и до самой своей смерти останусь в том возрасте, в котором меня коронуют. А может быть, в Эльфхирире я встречу свою любовь и обрету обычное женское счастье. В любом случае я говорю и читаю на всех языках нашего континента, у меня есть диплом Магической Академии и собственные деньги. Не из папиной казны. Ты помогла мне, Рина. Ты очень сильно мне помогла. Живи с этим, сестрица.

– Ты вряд ли заключишь надежный контракт, – с тонкой усмешкой произнесла Лима и положила руку на плечо подруги. – Тебе не познать радости равных отношений. Мне, бездомной и безродной, жаль тебя, будущую старшую принцессу Нериса, будущую жемчужину рода Нейрин. Теперь твоя личная жизнь больше не принадлежит тебе, принцесса. Теперь твоя личная жизнь – достояние королевства.

Едва только Лима замолчала, Лота вскинула руку и отправила в зеркало простое заклятье. Теперь это послание обязательно дойдет до своего адресата. Принцессу Толарину ждал довольно неприятный сюрприз.

– Тебе было тяжело сносить ее редкие сестринские визиты, – вздохнула Лота.

Лима пожала плечами и отошла от кресла.

– Я простая лисица, и знаешь, что тебе скажу? Что дети лесного короля получают плюх вдвое больше, чем их сверстники. Лейсир очень жестко следит за тем, чтобы его отпрыски не позорили корону. И если ты встретишь вежливого и предупредительного оборотня, то девять из десяти – он из правящей семьи. Они даже убивают с вежливой улыбкой на лице и выражением искреннего раскаяния и участия в глазах.

– С тобой только накладка вышла, – хмыкнула принцесса.

– Я обычная, – отмахнулась Лима.

– И говоришь, как и я, на всех языках континента, не путаешься в столовых приборах и знакома с большей частью классической литературы, – кивнула Лотанари. – Как скажешь, мне все равно, кто ты – обычная лисица или приближенная лесного короля. Мне важна моя Лима. А теперь вперед, где-то в оранжерее без нас скучает роскошный и неприхотливый цветок.

– Несовместимо, – качнула головой лисица. – Я не особо в этом разбираюсь, но заметила, что чем красивее растение, тем оно капризней и бесполезней.

– Газетчики называли меня "жемчужиной дома Нейрин", – насупилась принцесса. – Я бесполезна?

Лисица только фыркнула и пошла к выходу:

– Ты напрашиваешься на комплименты.

– Да, – честно признала Лотанари. – Я люблю, когда меня хвалят.

– Все любят. Идем, я оставила лопату в коридоре, будет нехорошо, если ее кто-нибудь унесет.

Подруги быстро вернулись к исходной точке, и Лота подавила нервный смешок. Вокруг лопаты собрались слуги, а господин Тикену, старший дворцовый смотритель, истерично вопрошал, кто додумался принести «эту дрянь» во дворец.

– Упс, – выдохнула Лима.

– Не упс, – фыркнула Лота. – Главное – правильное выражение лица.

И, соорудив равнодушно-скупающее личико, Лотанари спокойно подошла к собравшимся, вежливо поздоровалась и забрала из рук господина Тикену лопату.

– Всем доброго дня, – с потрясающим спокойствием обронила принцесса и передала лопату подруге.

Лима закинула лопату на плечо и, тихонько насвистывая, устремила за подругой.

– Никто. Ничего. Не видел, – услышали у себя за спинами подруги. – Расходитесь, расходитесь. Что встали? Лопату никогда не видели? Так я вас быстро на исправительные садовые работы назначу!

Тишину тайного перехода разбивал лишь перестук каблучков и тихие смешки.

– Знаешь, что самое интересное? – заговорила вдруг Лотанари.

– А? – послушно отозвалась Лима.

– Что уверенно-спокойное выражение лица всегда работает. Какую бы дичь ни творил человек, если он делает это уверенно – мало кто рискнет уточнить, что и ради чего делается.

– Теперь я понимаю, как ты сдала половину экзаменов, – хмыкнула лисица.

– А я не виновата, что из программы обучения нельзя исключить то, что неинтересно изучать, – обиделась Лота.

– Я могла бы сказать что-нибудь умное о гармоничном развитии личности, – протянула Лима, – но не буду. Все равно в нашем случае это не сработало.

Лотанари пожала плечами и, выходя из тайного хода, спокойно сказала:

– Возьми, к примеру, магию цвета: зачем менять окрас одежды, если портной уже все гармонично подобрал? А магия света? С каким предвкушением я шла на урок! А оказалось, что все, чему нас там научат, – как правильно настроить освещение в будуаре.

– Не только в будуаре, – сочла нужным поправить подругу Лима. – А также в столовой, кабинете супруга и...

Сквозь неприметную, но не тайную дверь подруги вышли в парк и быстрым шагом устремились к стоявшей в отдалении оранжерее.

– Супруга! Которого не было ни у одной из студенток! Вот мы и пришли, удачно, что главный садовник изволит заливать страдания крепленным вином. – Принцесса погладила кончиками пальцев стеклянную дверь в оранжерею, и та, чуть засветившись, приоткрылась.

Внутри было жарковато и влажно, по воздуху плыли цветочные ароматы, а под ногами поскрипывал песок. Все дорожки в оранжерее были отсыпаны именно песком, и никто не знал, для чего это было устроено. Хотя Лота предполагала, что это для того, чтобы видеть следы. Потому она никогда не ленилась сравнить после себя песчаное покрытие.

– Из-за чего страдает главный садовник? – любопытствовала Лима, когда устала кружить по оранжерее. И тут же, не дожидаясь ответа, добавила: – Может, возьмем вазон из парка? Красиво, оригинально, и цветы там неприхотливые. Да и тащить эту тяжесть все равно не нам.

Лота только вздохнула:

– Не получится. Во-первых, как мы скроем, что мы этот вазон с собой привезли? В цветочную переноску он не влезет. Или ты предлагаешь соврать, что я, как узнала об отборе,

ночами не спала и свою любовь со слезами на цветы изливала? Чтобы привезти потом эти цветы с собой и по случаю преподнести эльфам?

– Да хоть бы и так, кто ж докажет, что ты не рыдаешь ночами?

– А во-вторых, именно из-за этих вазонов ушел в запой главный садовник. На эти несчастные цветы практиканты из академии излили свои скромные зельеварческие потуги.

– А и думаю, что это у нас практиканты украшены кто синяком, а кто ссадиной. Садовник их так?

– Угу, там цветы были какие-то особенные, должны были цвести до глубокой осени. А в итоге уже распустившиеся соцветия зауклились обратно. Вокруг вазонов бегают профессора, садовник пьет, а мой старший брат ржет как конь. Учитывая, что он зельевар, не обошлось без его помощи.

Принцесса остановилась у одинокого, посаженного наособицу кустика. Лима встала рядом и негромко спросила:

– Будешь скучать по брату?

– Он вредный и противный, слишком опекающий старший брат, – принцесса шмыгнула носом, – конечно, буду. По всем буду. Может, даже по Ринке буду скучать, хотя вряд ли. О, смотри. Так, что пишут?

Чтобы сменить тему, Лота подалась вперед и начала читать табличку, установленную рядом с кустом:

– Астиция Зфельская, так, цветет с мая по октябрь, неприхотлива, агрессор. Агрессор?

– Может, магический подвид? – предположила Лима. – Ты прости, но мы, лисы, не по ботанике. Не тяни руки! Дай я, моя реакция в разы превосходит твою.

Лисица опасливо вытянула ладонь, коснулась зеленых листков, потом приласкала соцветия и, окончательно осмелев, сжала пальцами одну из тонких веток. Ничего.

– Хм, в принципе, сейчас по дворцу бродят тридцать третьекурсников, – пожала плечами Лотанари. – Может, им захотелось пошутить? Вспомни нас на третьем курсе.

Лима хмыкнула:

– Мы бы не обошлись исправлением надписи в оранжерее.

– Бы? Мы так-то и не обошлись, – напомнила Лота.

– Это да, – мечтательно-смущенно протянула лисица. – Копаем?

– Копаем, – кивнула принцесса и решительно перехватила лопату. – Вернее, я копаю, а ты тянешь.

Астиция была успешно извлечена и помещена в особый контейнер – эта разработка была главным достижением королевского садовника. Ни Лима, ни Лота так и не поняли, почему корни растения были ограничены странной круглойштуковиной. Может быть, случайно?

В любом случае подруги были счастливы и отнесли небольшой, совершенно не фонящий магией ящик к уже приготовленным вещам, после чего устроились в библиотеке. Поболтать, почитать и просто приятно провести время. Еще неизвестно, есть ли в Эльфхиуре библиотеки и, что главное, на каком языке там написаны книги. Нет, Лотанари, как и положено принцессе, языки знала. Но с ушастых снобов станется писать на языке Творения, а тут принцесса читала лишь со словарем. И обценной лексикой. Поскольку по восемнадцать значений на каждое слово... Это все-таки слишком много.

ГЛАВА 3

Лима помогала принцессе завивать локоны и мурлыкала себе под нос популярную песенку довольно фривольного содержания. Лота же только тяжело вздыхала: им пришлось встать за два часа до рассвета. И, как будто этого мало, отец прислал четырех служанок – в помощь. Это при том, что Лотанари с десяти лет владеет всеми необходимыми бытовыми заклинаниями! И терпеть не может, когда в ее волосах копошатся чужие руки.

В общем, служанки были отправлены досыпать, и вот, спустя два часа, принцесса почти готова. И даже почти довольна: платье восхитительно. Тугой корсет утягивает тонкую талию чуть ли не до прозрачности, легчайший шелк юбки изящными волнами обрисовывает бедра, а скромно расшитый лиф в выгодном свете демонстрирует высокую грудь. Причудливо уложенные локоны, перевитые нитями мелкого жемчуга, завершают картину.

– Что, забелить тебе губы и брови? – ехидно предложила Лима.

Лотанари бросила последний взгляд в зеркало и так же ехидно ответила подруге:

– Да-да, и трупные пятна не забудь подрисовать. Где мой гроб?

– Убийственно звучит, – Лима поперхнулась смехом и тут же, поблескивая глазами, воодушевленно спросила: – Это значит, я сейчас могу выйти в коридор и громко приказать подать к покоям королевский гроб?! Я знала, знала, что с тобой не будет скучно!

Лисица выскользнула наружу, и ее громкий голос разнесся по коридорам. Через пару минут в покои Лоты вошли отец и старший брат. Брат был хмур и молчалив, его синие глаза смотрели куда угодно, но только не на сестру.

– Ты прекрасна, – с горечью произнес Нордад. – И сейчас я как никогда жалею, что не выдал тебя замуж.

– Да вроде не сватался никто, – удивилась Лотанари.

– Только в прошлом году я отклонил десять брачных предложений, – вздохнул король. – Ждал, пока ты хоть кем-нибудь заинтересуешься.

У принцессы запершило в горле:

– Ты... Но я думала, что мой брак будет в интересах королевства.

– У королевства много интересов, – глухо произнес брат, – и мы смогли бы совместить твой интерес с государственным. Теперь не сможем.

Лота быстро сморгнула непрошеные слезы и, выдавив улыбку, спросила:

– И кто понесет мой гроб?

– Я думал, ты предпочтешь пойти сама, а в... в гроб лечь уже внутри храма, – ответил Нордад.

– Вот уж, – фыркнула Лота. – Если уж позориться, то полностью. А то это как в фонтан до половины упасть – глупо же.

– Падать в фонтан в принципе глупо, – нахмурился принц.

– Но если упасть и принять непринужденную позу, то можно сделать вид, что так и задумано.

Принц только хмыкнул и вышел, чтобы спустя короткое время левитировать внутрь покоев массивный гроб.

– Надеюсь, мне не придется забирать его с собой в Эльфхиир? – Принцесса потрогала отполированное дерево, оценила мягкость подушек и нежность кружева.

Нордад только вздохнул:

– За твой багаж отвечаешь только ты. Хочешь – бери.

– То есть это прямо мой-мой гроб? – прищурилась Лотанари. – Не собственность короны? Тогда мне нужна минутка.

Принцесса отошла к секретеру, вытащила бумагу и писчие принадлежности. Спустя минуту она поставила под скупыми строчками витиеватую подпись и, свернув лист в трубочку, протянула его брату.

– Проследи за последней волей покойной, – проказливо улыбнулась Лота и царственно возлегла в гроб.

Хотя будет точнее сказать, что она попыталась царственно возлечь, но получилось только по-простонародному плюхнуться. Все же невозможно без посторонней помощи удобно устроиться в гробу.

– Где моя верная Лима? Разве не должно ей проводить усопшую в последний путь? – трагично спросила Лотанари.

– Прекрати, – в сердцах бросил отец, – это не повод для смеха.

Лота села в гробу и серьезно, пытливым спросила:

– А для чего повод? Меня выкинули из родного дома, через пару минут я буду участвовать в прижизненном отпевании, а еще через пару часов я навсегда покину Нит, а потом и Нерис. И ты говоришь, что я не могу повеселиться? Тогда я свернусь калачиком и буду плакать. Разве это будет лучше?

– Прости, – тяжело вздохнул отец. – Прости меня, если сможешь.

– Буду пытаться, времени у меня теперь предостаточно, – буркнула принцесса и улеглась обратно. – Так, где моя Лима?

Тихий шорох, и прохладные пальцы подруги касаются лица Лоты. Лима красиво разложила по подушке завитые локоны и взяла смертную накидку.

– Ну, что я тебе могу сказать? Стоя ты красивее, учти на будущее, – хмыкнула лисица и прикрыла лицо принцессы тончайшим кружевом.

– Как же меня любят в этом доме, – проворчала Лотанари, – прям сама себе завидую. Лежу и завидую.

По счастью, отец не позволил отпевать принцессу в главном столичном храме, и Светлому Отцу пришлось довольствоваться церемонией в семейной королевской часовне. Но все равно Лотанари натерпелась страху на узких и неудобных лестницах. А еще выслушала несколько интересных словосочетаний, которыми с миром поделился старший брат. И лестницы играли в этих выражениях не последнюю роль.

Наконец гроб с вполне себе живой принцессой внесли в семейную часовню и установили на подпорки.

– Лима, ты боишься? – прошептала бледная Лотанари. – Клянусь своей силой, меня трижды чуть не уронили!

– Я видела, – вздохнула Лима. – Твой отец совсем расстроился.

– Может, притворяется? – предположила принцесса. – Все же в отборе я с его легкой руки оказалась. Не сами же эльфы письмо прислали и слезно попросили отсыпать им еще одну невесту.

– Кстати, об эльфах, – хихикнула Лима. – Ты ведь знаешь, да, что они прям все такие сдержанные?

– Их раса обязывает, – вздохнула Лота. – Неудобно в корсете и ни драммы не видно из-за этой тряпки. Что с эльфами-то?

– А то, что у них глаза сейчас как у сов – круглые, огромные и ни-че-го не понимающие. Они там, подле короля, стоят, мнут, переглядываются, но шептаться не рискуют.

– Бедняги, – искренне посочувствовала ушастым принцесса. – Культурный шок во всей его красе.

Все, что радовало Лотанари, – это присутствие рядом верной Лимы, которую от гроба не смог бы отогнать даже Светлый Отец. Оно и верно, что лисице гнев Четверых? Если она даже свое лесное божество к оршери послала?

– Скоро начнется? – любопытствовала принцесса. – Напоминаю: мне немного неудобно лежать в корсете.

– Не неудобнее, чем мне, – я стою на коленях на каменном полу, – проворчала Лима. – Зато вокруг очень красиво: много живых цветов, свечи и такие блестящие штуки, не знаю, как они называются, но от них радужные зайчики по всей часовне.

– Праздничные украшения, – поперхнулась смехом Лота. – Даже не знаю, льстит мне это или нет.

– Все, начинается.

Отпевали Лотанари долго, заунывно и не скупясь на благовония. В итоге молебен сопровождался немелодичным чихом лисицы. А когда благовония доплыли до менее чуткого носа Лотанари, чихать подружки начали в унисон.

– Еще немного, и меня придется отпевать по-настоящему, – простонала Лота. – Я уже больше не могу, просто не могу.

Светлый Отец повысил голос, чтобы собравшимся прихожанам не были слышны стена-ния из гроба.

– Ты ценишь мою верность? – заунывно спросила Лима, у которой распух и покраснел нос. – Это пытка, просто пытка.

– Десять минут, и я встаю, – жестко и громко сказала Лотанари.

Себя ей было, конечно, жалко. Но она бы дотерпела. В конце концов, каждый третий месяц она одну неделю работала в больнице для бедных. Потому что старшая принцесса обязана быть близка к народу. А запахи в той больнице... Те еще благовония – и никакая магия не помогает! Но мучить Лиму? И ради чего? Сама церемония отпевания очень короткая, это Светлый Отец решил ее растянуть. Собственно, как только кружевную накидку сняли с лица Лоты и бросили на жаровню – вот тут и разорвалась ее связь с Четырьмя. Дальше шла жреческая отсебятина. Так что она не будет заставлять подругу страдать лишнее время.

Очевидно, Светлый Отец услышал Лоту, потому что он действительно завершил отпева-ние за десять минут.

– Двору дозволено проститься с покойной, – громогласно объявил храмовник.

И Лотанари резко села. Она бывала на подобных траурных мероприятиях и прекрасно понимала, что все это может затянуться. Толпой прощаться не принято, подходить будут по одному, потом все это стеснение – все знают, что делать с трупом, но как прощаться с живым человеком?

– Я была счастлива с вами, – громко, с точно отмеренной дружелюбной улыбкой произ-несла Лота. – И я благодарна за то, что вы пришли сегодня и поддержали меня в этом нелегком испытании. Главное, чтобы прижизненные отпевания не стали традицией для нашего королев-ства.

Только чудо, щепотка магии и надежная рука Лимы позволили Лотанари изящно поки-нуть гроб. Принцесса присела в глубоком реверансе и, выпрямившись, уверенно пошла впе-ред, к выходу из часовни. К свежему воздуху.

– Эльфы идут за нами. – Лима не была скована правилами приличия, а потому вовсю кру-тила головой и отмечала, кто и как отреагировал на произошедшее. – А люди-то недовольны.

– Потому что наши отношения с Эльфхииром сложные и трепетные. Вначале эльфы не хотели иметь ничего общего с приматами, потом приматы резко прибавили в развитии и не захотели общаться с высокомерными снобами. Потом все это как-то улеглось, и сейчас один недалекий человек раскачивает и без того утлую лодчонку межгосударственных межвидовых отношений, – проворчала Лотанари. – Будешь тут довольным. Они ведь на моем месте своих детей представили. Светлый Отец серьезно промахнулся, Лима. Или ему помогли промах-нуться.

Свежий воздух заставил Лоту довольно вздохнуть, а Лима и вовсе вознесла короткую хвалу небесам. Каким образом лисица из Лесного Королевства стала адептом драконьей религии (при том, что драконы давно покинули этот мир), Лотанари не знала. Но предполагала, что история может быть весьма и весьма интересной.

– Полагаю, сейчас нам на задний двор? Седлать лошадей и в путь? – спросила принцесса и повернулась к подруге.

Лима выразительно округлила глаза, но Лота и сама заметила стоящего поодаль эльфа. Или полукровку? Высокий, худой... Или нет, не худой. Скорее, жилистый. Черные волосы до плеч поддерживает простой узкий венец. Прямые черные брови, синие глаза и пушистые ресницы. Резко очерченное лицо – он не похож на кукольно красивых эльфов, но обладает своей собственной притягательностью.

– Нет, полагаю, сейчас нас должны представить друг другу, – эльф заметил, что девушки смотрят на него. – Лорд Айрис не смог приехать, потому за вами прибыл я.

И он чуть смущенно улыбнулся, как будто был виноват в своей частично человеческой крови. Или как будто его вина, что его одежда столь проста.

«Бедный, – подумала Лота, – тяжело, наверное, быть полукровкой среди чистокровных снобов».

Но вслух она этого, разумеется, не сказала. Вместо этого Лота мягко улыбнулась и спросила:

– А имя у вас есть? Я Лотанари Шан Нейрин, принцесса Нериса. Хотя теперь уже, наверное, просто Лотанари Шан.

– Нет, твой титул остался с тобой, дочь, – внушительно произнес король. – Я едва смог отделаться от храмовника, чтобы проводить тебя. Принцессы Нериса остаются принцессами и после смерти, Лота. Пусть твой путь будет легок.

– Немного цинично, – хмыкнула Лотанари, но послушно продолжила: – Пусть твое ожидание будет недолгим.

– Идрис – прекрасный молодой челов... кхм, эльф, и я уверен, что он в целости и сохранности доставит тебя в Эльфхиир.

– Идрис? – нахмурилась Лотанари.

– Я младше нашего Правителя, – улыбнулся эльф, – меня назвали в его честь. На самом деле в Эльфхиире сейчас очень много Идрисов. Я проверил – все вещи Ее Высочества надежно закреплены, можно выезжать. Остальные сопровождающие покинули часовню и будут ожидать нас за стенами Нита.

Отец шагнул к дочери и крепко ее обнял.

– Надеюсь, ты не перестанешь мне писать, – коротко выдохнул Нордад.

– Не перестану, – Лота улыбнулась и стерла со щеки отца слезинку. – А ты, только вдумайся, будешь каждое письмо начинать словами «Моей горячо любимой покойной дочери...»

– Зараза ты, – вздохнул король. – Не позорь меня там, ладно?

Лотанари пожала плечами и спокойно сказала:

– Ты в любом случае не узнаешь, верно?

– Легче мне не стало. Все, иди. Карета твоя, что с ней делать – решать тебе. Кучеру платит корона Нейрина. Я положил на твой счет деньги, – король криво усмехнулся, – никудышный из меня отец.

– Перестань, – Лотанари прищурилась, – или ты все-таки хочешь увидеть меня плачущей?

– Нет, этого мой разум может и не перенести. Лима, присмотри за ней.

– Да, Ваше Величество. – Лисица присела в реверансе.

Уходил король быстро, не оборачиваясь. Наверное, он хотел сохранить лицо, вот только опущенные плечи и сгорбленная спина выдавали его истинные чувства.

– Надеюсь, брат догадается прислать в покои отца лекаря. Я переживаю за сердце нашего короля, – вздохнула Лотанари. – Ну что, где там наша карета? Она в траурном цвете или схлестурили?

Через несколько минут подруги убедились, что кто бы ни подготавливал карету, халтурить он не стал. Карета была не просто черной, а очень черной.

Лима подергала носом и уверенно констатировала:

– Иллюзия.

– Выедем из Нита – развеем, – вздохнула Лотанари и обратилась к эльфу: – Вы с нами?

– Разумеется, – удивился Идрис. – Я ваш сопровождающий.

Лисица хихикнула и пояснила:

– Ее Высочество изволит спрашивать, поедете ли вы в карете или верхом.

Эльф на мгновение оторопел, затем осторожно ответил:

– Верхом. Если это никак не расстроит принцессу.

– Никак не расстроит, – улыбнулась Лота и ловко забралась внутрь.

Там она рухнула на сиденье и закрыла лицо локтем. Лима плотно зашторила узкие оконца и пристроилась рядом.

– Ну что, всё? Кончился завод в механических часах.

Лотанари тяжело вздохнула и убрала руку от лица.

– Я что, не могу чуть-чуть пострадать?

– Можешь, – уверенно кивнула лисица. – И если карета перевернется – точно пострадаешь. И я, кстати, тоже. Просто если ты начнешь рыдать, то вряд ли сможешь остановиться. А по выезде из Нита нас, скорее всего, остановят и начнут долгую и утомительную церемонию знакомства по всем эльфийским канонам. Отомстят, так сказать, за приятное утро в часовне.

Принцесса улыбнулась и согласно кивнула:

– Ты права. Как и всегда. Еще повезло, что Идрис довольно мил. Не представляю, как бы себя повел чистокровный эльф.

Лима пожала плечами, чуть сгорбилась и проворчала:

– А кто тебе сказал, что этот ушастый – нечистокровный?

Принцесса замерла, задумалась, прокрутила в голове весь диалог с эльфом и признала:

– Никто. Я сама так решила. А что?

– А то, что от него совершенно не пахнет человеком, – уверенно произнесла лисица.

Покосившись на подругу, Лота постаралась максимально незаметно приняться к себе. Через пару минут принцесса четко поняла, что не различить, чем же от нее пахнет. Поскольку все перебивали въевшиеся в платье благовония.

– И чем пахнет человек? – аккуратно, как будто безразлично спросила Лота.

– У людей нет запаха в прямом смысле этого слова. Просто такое своеобразное ощущение. – Лисица неопределенно крутанула рукой, словно пытаясь жестом показать это самое «ощущение». – Трудно объяснить. Это как некоторые маги видят цвет магии, хотя большая часть одаренных этого не видит.

Лотанари кивнула, такое объяснение было достаточно понятным.

– Поспала бы ты, – проворчала лисица. – Книжки в сундуках, карты в сундуках, даже кости игральные и те в сундук пришлось убрать. Нам сейчас только спать или сплетничать.

– Можно и поспать, – согласилась Лота и внезапно хихикнула: – Представляю, как сейчас Ринка губы кусает: меня отпевали, а она и не видела.

Лима неодобрительно фыркнула и проворчала:

– Надо было ее покои сжечь, а на пепелище мешок единорожьих отходов высыпать. Оставить руины от вражьей крепости – вот истинная доблесть.

– В тебе говорит кровь диких предков, – поддела подругу Лотанари. – У тебя даже глаза золотом загорелись.

– Ну и загорелись, – независимо отозвалась Лима. – Если бы меня так планомерно изводили, да еще и младшая, я бы ее быстро на место поставила.

– Жизнь поставит, – зевнула Лотанари. – Талорина теперь свет в окне и жемчужина династии Нериса. А значит, каждый третий четверг она будет раздавать хлеб на площади, по неделе работать в больнице для бедных и еще много-много всяких приятных мелочей. Она завидовала тому, что меня любят люди. Как придворные, так и в городе. Теперь и ее полюбят.

Лима, даром что находилась в человеческом теле, насмешливо и очень по-лисий твякнула:

– Ага, как же. Готова поспорить, что она быстро найдет на кого спихнуть все обязанности.

– Не-а. – Лота поудобнее устроилась на широком мягком сиденье и прикрыла глаза. – С магией королевского рода не поспоришь. А то можно клеймом на пол-лица обзавестись. Приятных снов.

– И тебе. – Лима быстро сменила облик и устроилась на полу, в груди собственной сброшенной одежды. Ее никогда особо не волновало, что в случае чего она может оказаться на публике обнаженной.

«У меня все в порядке, стесняться нечего. А если кто полезет с несправедливыми намерениями – получит в лоб», – удивленно ответила истинно незамутненная дочь леса, и Лотанари больше не поднимала эту тему.

Просыпалась Лотанари со смешанным чувством удовольствия от долгого сна и неудобства от неправильной позы. Потянувшись, принцесса осознала, что карета уже не покачивается, а значит, эльфы вот-вот начнут их с Лимой будить.

«Как вовремя я проснулась», – мысленно похвалила себя Лота и, открыв глаза, села.

Осмотревшись, принцесса с трудом сдержала желание по-детски протереть глаза: обе двери кареты были распахнуты настежь, и с двух сторон стояли эльфы. Все, как на подбор, высокие, худые и златовласые. У них даже лица были как-то неумовимо похожи: тонкие черты, узкие губы, чуть длинноватые носы.

Эльфы смотрели на Лоту, Лота смотрела на эльфов. Где-то рядом жужжала любопытная летняя муха. Проснулась Лима и, потянувшись, села. Превращаться лисица не спешила – ей тоже было интересно, что происходит.

Ти-ши-на. Лотанари аккуратно осмотрела себя, но не нашла ничего, что могло бы заставить лесной народ так надолго зависнуть. Прямо как те маленькие птички, что висают перед фруктами и висят там до тех пор, пока все не склюют. С другой стороны, птички хоть что-то клюют, а эльфы, кажется, даже дышат через раз.

По-человечески тяжело вздохнув, лисица перевоплотилась в человека и быстро оделась. Благо за долгие годы Лима в совершенстве освоила целую плеяду полезных бытовых заклинаний.

– Что ты им сделала? – шепнула лисица.

Принцесса только пожала плечами и попробовала обратиться к эльфам первой:

– У вас все хорошо?

– Да, Ваше Высочество, – мгновенно отозвался один из эльфов. У него были большие сиреневато-серые глаза и изящный венец, усыпанный бриллиантовой крошкой. – Мы рады, что вы прервали свой сон.

– Вы смотрели, как мы спим? – севшим голосом спросила Лотанари. – Это жутко, не делайте так, не надо.

– Ни один из нас не обладает достаточно высоким статусом, – что интересно, говорил все тот же эльф, – чтобы первым обратиться к принцессе Нериса.

– И вы стояли и ждали, пока я проснусь, – уточнила Лотанари. – Долго стояли?

И принцесса, чтобы проверить возникшую идею, задавая вопрос, посмотрела на другого эльфа. На того, в чьи ядовито-зеленые глаза даже смотреть было тяжело.

– Идрис успел подготовить шатры для ночевки и развести костер, чтобы приготовить пищу, – послушно ответил зеленоглазый эльф.

– Удобно, – хмыкнула принцесса. – Вы позволите нам покинуть карету?

Эльфов как ветром сдуло. Подруги переглянулись, и Лима осторожно протянула:

– Может, нам стоит вернуться к тому, что было при дворе твоего отца? В смысле, держать дистанцию служанка-принцесса на людях? Тьфу, на эльфах.

– Да конечно, – фыркнула Лотанари. – В таком случае ты очень быстро окажешься где-то вдалеке от меня и видаться мы будем по ночам, украдкой. Нет уж, пусть гадают, что за страшно важная персона прибудет в Эльфхиир вместе с принцессой Нериса. Или у тебя другие соображения?

Лима пожала плечами:

– Мне абсолютно безразлично, что обо мне говорят и думают чужие мне существа. Я только за тебя переживаю.

– А то мне не безразлично, – закатила глаза Лота. – После того, как меня отпели, я могу творить что угодно. Отпетая принцесса, Лима, никого опозорить не может. Ибо дальше уже некуда. Идем?

– Идем, – согласилась лисица.

После студенческих пикников в городском парке Лота всегда смеялась над тем, с какой помпой выезжают на природу мама с Талориной. Но эльфы... Эльфы превзошли всех! Если королевская чета брала с собой слуг и шатры, то длинноухие не поленились притащить мебель.

– Обитые шелком кресла, расставленные вокруг костра, выглядят очень... – И Лотанари задумалась, пытаясь подобрать подходящее кресло.

– Очень в духе времени, – шепнула Лима и пояснила: – Мне придворный маг твоего отца объяснил, как похвалить что-то отвратное. Следует использовать фразы: «в духе времени», «весьма неординарное решение» и, мое любимое, «до крайности выразительно». Самое главное, что в этих словах нет лжи.

Лота вздохнула и также шепотом ответила:

– Именно такими словами отец похвалил мой ему подарок.

– Хм?

– Я сваяла статую, – гордо сказала Лотанари. – Правда, поставили ее в самую дальнюю часть парка, и ходить туда, по большей части, некому и незачем.

– Полагаю, статуя была шедевральной, – поперхнулась смешком Лима.

Принцесса пожала плечами:

– Зато от души и своими руками. Просто сама подумай: я возьму деньги в казне отца, чтобы ему же купить подарок.

– А ушастые опять застыли, – Лима кивнула на эльфов. – Они так и будут ждать, пока ты первая к ним обратишься?

– Что интересно, – протянула принцесса, – Идрис ведь сам в разговор встрял. Я вот сейчас припоминаю, а мы к нему не обращались.

– Ты вообще к нему спиной стояла, – согласилась Лима. – Ладно, пошли, сядем, что ли?

Лота согласно кивнула и, подойдя к костру, с сомнением осмотрела стулья. По спинке каждого стула шла затейливая вязь языка Творения. А словарик, как назло, был запихнут на самое дно одного из сундуков.

– Что пишут? – спросила Лима.

– Что надо было зубрить, – вздохнула Лота. – Создадим по подушке и ну их, эти кресла? А то мало ли, оскорбим кого-нибудь.

Лисица сморщилась, чихнула и проворчала:

– От стульев смердит сушеными травами.

– Сушеные травы не могут смердеть, – рассеянно отозвалась Лотанари и сосредоточенно прикрыла глаза.

Взмахнув руками, принцесса материализовала перед собой огромную подушку. Передав ее Лиме, она повторила заклятье и сделала подушку для себя.

– Где сядем?

– Стулья сдвинем немного, – ответила Лотанари. – Вот эти два.

Не прошло и пяти минут, как к костру подошли эльфы. Среди них был и Идрис. И если остальные хранили стоическое молчание, то этот не сдержался:

– Стулья недостаточно хороши?

– Мой словарь слишком далеко и глубоко, – честно ответила Лота.

Принцесса читала, что среди эльфов очень распространен дар изначальной правды. Почему правда называлась изначальной – никто не объяснял, хотя Лотанари пролистала с полсотни толстых книг. Так и не найдя объяснения странному названию, она решила, что самое простое – не врать эльфам. И оборотням. Но с оборотнями проще: они просто носом чуют ложь. Вроде как человек начинает как-то особенно пахнуть.

Идрис удивленно посмотрел на Лоту, затем на стулья, и его взгляд прояснился:

– Эта вязь ничего не значит.

Пока Идрис говорил, остальные эльфы исчезли. Они медленно, не дыша, отступили от костра и растворились в тенях.

– Ничего, – кивнула Лотанари, – кроме того, что не для всех найдется место. В любом случае и меня, и Лиму все устраивает. Нас чем-то кормят?

Идрис посмотрел на семь кресел, расставленных вокруг костра, хмыкнул и перечислил приготовленные блюда:

– Фруктовая каша, пресные лепешки и ан-тран.

– Травя с травой, – вздохнула лисица. – Эльфы не едят мясо?

– Кто как, – улыбнулся Идрис. – Желаете отправиться на охоту?

Лима облизнулась, но отказалась. Надо сначала разузнать, на кого можно охотиться, а на кого нельзя. Ее лисье чутье подсказывало, что граница Эльфхиира уже близко, а значит, они на нейтральной земле, где действуют сразу два законодательства. Хотя можно ли такую землю называть нейтральной? Лисица не знала и не очень-то хотела углубляться в глупые неприродные законы.

– Прошу. – Идрис протянул лисице тарелку и с интересом посмотрел на Лотанари. Принцесса никак не отреагировала ни на взгляд эльфа, ни на то, что первой еду принесли Лиме.

С благодарностью приняв тарелку, Лима склонилась к уху подруги:

– Семь кресел и семь эльфов – они совсем на нас не рассчитывали?

Тем временем эльф принес еду и для принцессы. Она поблагодарила его и начисто проигнорировала какой-то странный, слишком веселый взгляд.

– Идрис приготовил еду и шатры, – не размыкая губ, ответила Лота. – Он чистокровен, но... Как-то здесь все странно. К нему явно особенно отношение.

Кивнув, Лима принялась к своей порции:

– Ничего лишнего в еде нет. Держи.

После отвратительного инцидента в Академии, когда Лота только чудом выжила после отравления неправильно сваренным любовным зельем... В общем, в подозрительных местах Лима предпочитала обнюхивать пищу подруги. Вначале это был просто договор – принцесса прикрывала беглую лисицу, а та платила за защиту своими способностями. Потом все происходило просто по дружбе.

– А еще об особенном отношении: они его боятся, – добавила лисица. – Я чувствую их страх.

– Ты поэтому от охоты отказалась? – хихикнула Лотанари. – Побоялась вцепиться в тощий эльфийский зад вместо ляжки жирного кролика?

Фыркнув, Лима пожала плечами:

– Ешь, а то мало ли что... Ого?

Лота вскинула голову и поперхнулась смешком. К костру шел эльфийский отряд в лице шести грустных ушастиков с тощими подушками в руках.

– Ну да, как же они сядут на стулья, если принцесса сидит на земле, – прокомментировала Лима.

– На подушке, – поправила ее принцесса.

– Не суть. Хм, Идрис тащит поднос с тарелками, котелком и кувшином. Подушки у него нет, – лисица прищурилась, – может, тебя провоцируют?

– Думаешь, эльфийский правитель поумнее своих соплеменников и хочет узнать будущую супругу со всех сторон? – предположила Лотанари. – Я бы почитала их отчеты о нашей встрече.

– Главное, чтобы эти отчеты не попали к твоему отцу, – фыркнула Лима. – Он будет весел и печален одновременно.

Эльфы отставили в сторонку стулья и расположились на тонких и узких подушках. Они старались удерживать на лицах выражение благостного внимания, вот только то и дело начинали ерзать.

«Странно, лесной народ же. Или они не спят на траве?» – подумала принцесса и тихонько вздохнула, даже мысленно ее вопрос звучал бестактно. А значит, удовлетворить любопытство не получится. Хотя... Если зажать Идриса где-нибудь за кустом, то можно попробовать.

Представив, как она ловит бедного эльфа и заговорщицки спрашивает, спит ли он на траве, Лотанари тихонько рассмеялась.

– Поделишься? – заинтересовалась Лима.

– Потом, – выдавила Лота.

Сдерживать смех становилось все сложнее, поскольку картинка в голове обрастала подробностями. Эльф бледнел, краснел и заикался, утверждал, что не может ответить на вопрос и что лучше спросить у Правителя. Кое-как утихомирив расшалившиеся мысли, принцесса обратилась к гордому обладателю лавандовых глаз:

– Когда мы прибудем в Эльфхиир?

– Границы Эльфхиира мы пересечем завтра, а в Ллитари, нашу столицу, въедем к ночи. Вы желаете остановиться в гостинице или сразу отправиться во дворец?

Подруги переглянулись, и Лота задумчиво ответила:

– Гостиница, наверное. Что среди ночи людей, то есть эльфов третировать. А там утром уже можно будет и во дворец отправиться. У вас есть какие-то традиции?

Эльф на мгновение смешался, но быстро взял свои эмоции под контроль и сдержанно ответил:

– Полагаю, вы говорите о подарках. Правитель принимает в дар исключительно растения, но прежде, чем вы решите, что это хорошая мысль, учтите: вам придется сажать цветок самостоятельно.

Принцесса пожала плечами и решила, что если уж они смогли выкопать ту бело-голубую прелесть, то уж точно смогут и закопать. После чего она уверенно произнесла:

– Чудесно, мы подарим Правителю цветок.

– В лесу копнете? – с интересом спросил Идрис.

Остальных от такой постановки вопроса чуть удар не хватил. Но при этом было заметно, что да, ушастикам оч-чень интересен ответ на поставленный вопрос.

– Зачем? Я же от души буду дарить, – широко улыбнулась Лотанари. – Мне поможет магия!

Что самое интересное, принцесса не сказала ни слова лжи: цветок она и правда от души подарит, ей не жаль. И да, магия ей в этом действительно поможет.

На этом дискуссия увяла. Идрис собрал посуду, унес ее куда-то в темноту и вернулся с кружками. Когда травяной отвар был допит, Лотанари и Лиму проводили к выделенному шатру. Внутри которого не обнаружилось мебели.

– То есть они притащили стулья и забыли про кровати? – поразилась Лима.

– Или они спят на полу, – пожала плечами Лотанари. – Нам не привыкать. Зато позаботились и выдали по ночной рубашке.

– Опять ты отлежишь мне бок, – беззлобно проворчала лисица. – Надо будет в Ллитари купить хороших удобрений, магических. Чтобы ускорить приживание... Прикорнение? В общем, чтобы куст не сдох, а то неловко может выйти.

– Меня вряд ли выпустят из-под надзора, – вздохнула принцесса. – Вся надежда на тебя.

Переодевшись, Лотанари наколдовала простенький матрасик, Лима перевоплотилась и устроилась на нем. Принцесса легла рядом и положила голову на теплый пушистый бок.

– Спокойной ночи.

Ответом ей стал тихий фырк. Первый день в новой жизни прошел, и, кажется, прошел неплохо.

Глава 4

Утром Лота не сразу сообразила, где она. На мгновение ей показалось, что они с Лимой в академии, в карцере. Все-таки если как следует разозлить ректора, то даже принцессу с верной подругой могут отправить в столь неприятное место.

– Как думаешь, – сонно спросила Лота, – тут есть ручей? Умыться бы да рот с зельем прополоскать.

Лима не спешила превращаться в человека, потому просто фыркнула и, подцепив ночнушку подруги, потянула ее к выходу.

– Думаешь, это прилично? – усомнилась Лотанари. – Хотя вроде ничего не просвечивает. Да погоди ты, дай хоть туфли обую. И зелье, зелье надо взять! Все, я готова.

Никого из эльфов они не обнаружили, чему принцесса очень порадовалась. Все-таки по утрам у нее совсем не королевский вид: волосы всклокочены, лицо заспанное, да и подол ночной рубашки намок от росы.

– Ох, всегда подозревала, что шелковые туфельки на каблучке совершенно не подходят для прогулки по лесу, – ворчала Лота. – Не могу вспомнить, у нас есть что-нибудь в сундуках?

Лисица только фыркнула и мотнула мордочкой направо. Лотанари прошла меж двух пышных кустов и увидела звонкий прозрачный ручей. С наслаждением напившись, она умылась, прополоскала рот и аккуратно сплюнула зелье подальше от чистой воды. После нее к ручью подошла Лима, напилась и, пофыркивая, отошла.

– Интересно, на завтрак у нас тоже будет трава? – задумчиво спросила Лота. – Пару лет назад эльфийская делегация отдала должное рябчикам в кисло-сладком соусе. Значит, они не травоядные. Логично?

Лима выразительно вздохнула: говорить в лисьем обличье она не могла. Что, впрочем, совершенно не смущало Лоту.

– Логично, – ответила вместо подруги принцесса. – Значит, либо нам так «повезло», что нас сопровождают травояды, либо это, как мы уже предполагали, провокация. Либо они хотят, чтобы я похудела. Но это тоже та еще провокация, согласишься?

Даже если Лима хотела ответить, она этого попросту не успела сделать: подруги вернулись к шатрам, где происходило эпическое действо. Ну как эпическое? С одной стороны, Идрис спокойно разводил костер, с другой стороны, оставшиеся шесть эльфов старательно страдали. По-эльфийски сдержанно, но с каким-то человеческим надрывом. Они замерли полукругом перед шатром, в котором подруги провели ночь, и, сложив руки в молитвенном жесте, уставились в небеса.

Не решившись отвлекать высокородных (мало ли это стандартная утренняя процедура?), Лотанари подошла к Идрису.

– Кто-то умер? – дипломатично спросила принцесса.

– Нет, что вы, – улыбнулся эльф, – Ее Высочество ушла в лес и сгинула.

– Я просто умыться сходила, – смутилась Лота. – Люди любят умываться по утрам. И по вечерам.

Идрис рассмеялся:

– А мы для вас приготовили серебряные тазы. Отдельно для лица, рук и тела.

Затем он что-то крикнул по-эльфийски так быстро, что Лота поняла лишь отдельные фразы. Поняла и тут же усомнилась в своих языковых способностях. Ведь Идрис явно был изгоем среди светловолосых ушастиков, но при этом слова он выбрал, мягко говоря, не слишком почтительные.

«Если говорить начистоту, то Идрис только что сравнил эльфийский интеллект с интеллектом дождевых червей, – задумалась Лота. – Преподаватель эльфийского был доволен моими познаниями, так что вряд ли я так уж сильно ошибаюсь. Или заглянуть в справочник?»

Но эти мысли быстро покинули ее голову. Поскольку эльфы, все шестеро, резко развернулись в их с Лимой сторону, после чего так же резко развернулись обратно.

– Мне кажется или у них покраснели кончики ушей? – напряженно спросила Лотанари.

– У нас считается непристойным выходить в ночной одежде. Даже полностью обнаженное тело не столь непристойно, – честно ответил Идрис и пояснил: – Я просто краснеть не умею. Врожденный дефект. Или благо?

– Благо, – уверенно произнесла Лота и быстро-быстро пошла к шатру.

«Нет, у нас во дворце меня бы отец наградил личной королевской затрещиной, решишь я выйти на люди в ночной рубашке. Но надо же разделять лес, с минимумом имеющихся вещей, и дворец! Сами ничего больше не подготовили – и сами же стоят краснеют».

На самом деле Лоте было ну очень стыдно: она не видела особой разницы между ночной рубашкой из плотного шелка и обычным эльфийским одеянием. А потому даже не подумала, как будет воспринят ее выход. Да и потом, ну действительно, они же в лесу!

Юркнув в шатер, Лотанари облегченно выдохнула.

– Страдаешь? – с интересом спросила перевоплотившаяся Лима.

– Скорее не понимаю, – вздохнула принцесса и создала зеркало. – Ничего не просвечивает, абсолютно ничего! Чем этот балахон отличается от других?

Лима внимательно посмотрела на темно-синий наряд, что укутал принцессу от горла до кончиков пальцев рук и ног, и честно сказала:

– На твоё парадное платье, то, зеленое, пошло куда меньше материи. Видимо, все зависит от того, как называется вещь, а не как она выглядит.

– Придется привыкать, – вздохнула Лота.

Эльфы пожертвовали Лоте свои национальные наряды, но принцесса сделала вид, что не поняла, и попросила Лиму достать из сундуков штаны с широким и плотным поясом, блузку и приталенный жакет без рукавов.

– До Ллиноса всего день, – пояснила принцесса. – Я хочу запомнить свою талию видимой.

– Я тоже запомню, – клятвенно пообещала Лима.

А дальше подруги сходили с ума от скуки и в итоге затащили Идриса в карету. Допрашивать, как это обозначила лисица. Беседовать, поправила ее дипломатичная принцесса.

Эльф с комфортом устроился напротив подруг и весело прищурился:

– В картишки?

– Что вы, как можно, – Лотанари ахнула и прикрыла рот рукой.

Вдоволь полюбовавшись сконфуженным лицом Идриса, она подпихнула Лиму локтем:

– Доставай нашу колоду.

– А почему вашу? – тут же подозрительно прищурился эльф.

– А потому что мы ее из Академии забрали, – гордо приосанилась Лима. – В течение пяти лет всеми студентами на колоду накладывались защитные и анти-жульнические заклинания. Это уже артефакт, а не колода.

– И достается он тому тандему, который за последний год ни разу не проиграет, – добавила Лота. – Не страшно?

– Не-а, – хмыкнул эльф, – я старше вас, милые леди. И частенько играю со своим с... другом. Если заседание министров совсем скучное.

Подруги переглянулись и почти хором спросили:

– А что ты делаешь на заседаниях?

Идрис чуть замешкался, после пожал плечами и будто с вызовом произнес:

– Так в карауле стою.

– А ты рисковый, – восхитилась Лима. – Могут и уволить.

– Меня? – искренне поразился эльф и тут же помотал головой: – Не, не могут.

– Ты незаменим? Надеюсь, не телепат? – нахмурилась Лотанари.

– Да нет, я просто в атакующей и защитной магии хорош. Не всем дано выращивать цветы, – тут эльф немного сконфузился.

Но, так как он был дефективный и не умел краснеть, доказательств его смущения не было. А Лима тем временем закончила тасовать колоду и напомнила принцессе о том, что небольшой столик сам себя не создаст.

– Прости, – повинулась Лотанари.

– Вы прекрасно владеете бытовыми чарами. – Эльф уважительно посмотрел на принцессу. – Это странно.

Лота пожала плечами, но ничего не ответила. Что она могла сказать? Что у ректора обостренное чувство справедливости и она, Лотанари Шан Нейрин, получала на орехи на равных с остальными бедокурами? Или что, будучи пойманной на горячем, она получала вдвое? Потому что она не просто одаренная магичка, а принцесса, а значит, и ответственность на ней вдвое больше? Вряд ли эльф сможет это понять.

«Особенно учитывая их манеру не обращаться к высокородной леди первыми. Ух, как вспомню свое пробуждение в окружении ушастых статуй... Дрожь берет». Лота поежилась и, желая сменить тему, спросила:

– На что играем?

– Думаю, на раздевание не стоит, – философски заметила Лима. – И, что важнее, мы не определились, во что мы играем.

Идрис вздрогнул, услышав первые слова лисицы, и поспешно предложил:

– Может, имперского дурака? На забавные истории?

– Это можно, – хмыкнула Лима, – только нас трое.

– Кто вышел первый – победил и потом выбирает из двух оставшихся того, кто расскажет историю, – предложил эльф и сверкнул хитрыми синими глазами.

Лота чувствовала подвох, но на первый взгляд все было предельно прозрачно.

– Все готово. – Лисица пощелкала пальцами. – Козырь – тарди, у меня скелет. Значит, хожу первая. Будем атаковать по движению солнца или луны?

– Как подозрительно, – поддел Лиму эльф, но та только фыркнула:

– Я и похуже предположения слышала. И предложения. И вообще, слова куда хуже слышала.

– Ходим по луне. – Лота потерла руки и взяла свои карты.

Борьба была напряженной, но подруги больше привыкли работать в паре, и потому эльфу удалось выйти первым. Гневно фыркнув, девушки переглянулись и решили: в следующем раунде ушастому не жить. После чего свели игру к ничьей.

– Ну что, кто из нас расплачиваться будет? – Лима так подмигнула эльфу, что любой бы на его месте забыл про изначальный договор.

– Ее Высочество, – как ни в чем не бывало ответил Идрис. – Или та из вас, у кого история интереснее. Я смотрю на вашу дружбу и хочу узнать, как вы познакомились.

Лима откинулась на спинку кресла и расхохоталась. А вот Лота недовольно насупилась и вздохнула:

– Что ж, рассказывать и правда придется мне. Но это то, как мы познакомились. То, что было дальше, – личное. Не для карточной игры.

Принцесса помолчала, восстанавливая в памяти тот жаркий солнечный день, и приступила к рассказу:

– Первый курс был очень сложен, ведь меня впервые отпустили на свободу. Да, папины агенты бдели, но особенно не лезли и вообще старались не попадаться на глаза. И вот, спустя

три недели сложной жизни, наполненной обилием новых знакомств, я попала на дуэль. Нет, не меня вызвали. Сражались два мага менталиста – они не поделили девчонку с факультета целителей. И в меня отлетели искры от одного из заклинаний. Я заметила, но значения не придавала – ни головной боли, ни жара, ни каких-либо иных симптомов. Порадовавшись за победителя и посочувствовав проигравшему, я устремила на улицу.

Тут Лота сделала паузу, ярче вспоминая тот день.

– Печенье, – хихикая, выпалила Лима.

– Да, я хотела купить печенье. Жирное, рассыпчатое – во дворце такого нет, увы. Идя на запах, я вдруг перестала узнавать улицы. Стало так страшно, резко разболелась голова...

– А я шла в Академию, – подхватила Лима. – Я тоже была первокурсница, просто подрабатывала в городе. Вижу: принцесса наша посреди улицы зависла, сама вся бледная, глаза безумные, и руки к груди прижимает. Я к ней, потому как мало ли откинется? Меня потом за хвост прихватят и спросят, отчего не помогла.

Лотанари хихикнула и продолжила за подругой:

– Стою я, уже готова разрыдаться от ужаса: потерялась, голова болит, в глазах все плывет и печенья хочется! И тут ко мне кто-то подходит, лицо по Академии знакомое, и я... И вместо того, чтобы объяснить, что со мной происходит, я просто делаю шаг вперед и со словами: «Так хочется печенья!» – сползаю в обморок.

Подруги залились смехом, вспоминая ту странно-безумную ситуацию.

– А я что? Я венценосную идиотку на закорки и в медкрыло. А потом думаю: а ну как она у нас головешкой скорбная? Вдруг опять потащится куда-нибудь? Надо печенья ей достать. А денег у меня не было. Я и испекла.

Лота улыбнулась и с теплотой произнесла:

– Когда я очнулась, мне объяснили, что это искры ментальной магии мой разум закружили. Но главное, на прикроватной тумбочке стояла вазочка с горелым печеньем. Пересушенным и местами пересоленным. И я как-то сразу поняла, что это печенье испекла очень интересная личность.

– А дальше? – Эльф с интересом подался вперед.

– А дальше, – Лима шелестнула картами, – новый раунд. И задавать вопросы буду я!

Идрис хмыкнул и ехидно бросил:

– Как это по-человечески – верить в свои силы, даже перед лицом превосходящего противника!

Этой фразой эльф подписал себе смертный приговор. Лисица гневно фыркнула, вновь подхватила колоду и, грозно сверкнув желтоватыми глазами, перемешала карты. В ее движениях было столько экспрессии, что Лота невольно посочувствовала Идрису, который явно не понимал, во что вляпался.

Лима была очень азартна. Очень. Было ли это присуще только ей, или весь лесной народ охоч до карт – Лота не знала. Она знала одно: они не были биты только потому, что у студентов не поднималась рука на принцессу. Ну. Не всегда поднималась, если по правде. Иногда им неслабо перепало на орехи от тех, кто понимал: Лотанари не из тех принцесс, что жалуются отцам, а из тех, кто по-тихому мстит позднее. Правда, к четвертому курсу с ними перестали связываться, репутация у двух подруг была ужасной. Или прекрасной? В общем, с начала четвертого курса и до конца пятого не нашлось таких дураков, кто рискнул бы разнообразить их с Лимой жизнь. Из-за чего подруги несколько заскучали.

– Я хожу, – сверкнул синими глазами Идрис.

– Ходи-ходи, – проворчала Лима. – Посмотрим, куда дойдешь.

Борьба была напряженной, эльф хмурился, что-то подсчитывал и никак не хотел проигрывать. Лота кусала губы, гневалась и припоминала все известные ей ругательства. И только

Лима была спокойна и уверена в своей победе. Откуда в ней взялась эта уверенность, не знала даже Лотанари. Тем не менее лисица вышла первой.

– Не может быть, – горестно вздохнул Идрис. – Не может быть. Что ж, я еще не полностью проиграл.

Принцесса прикусила губу и прищурилась:

– Я не проигрываю. Даже ради политических процессов.

Лима выразительно фыркнула: откуда политические интересы в карете посреди леса?

– Я тоже. – Эльф подался вперед. – Я не проигрывал уже лет десять. Ни в... Ни в чем.

– Так, может, тебе просто поддавались? – вскинула бровь Лотанари.

На это эльф ничего не ответил, только прищурился и стиснул зубы. Да так, что желваки на скулах заходили. Лота посочувствовала обиженному ушастику, но не стала уточнять, что это была просто шутка. В конце концов, она не виновата, что он ее слова так серьезно воспринял.

«Или у него настолько высокий статус при Повелителе?» Принцесса с подозрением покосилась на сосредоточенного Идриса. «Повелителем он быть не может – самые чистокровные эльфы белого цвета. В смысле, волосы там, брови и все такое. Может, брат? Хотя два Идриса в одной семье...»

Как бы эльф ни старался, а выйти победителем не смог. Но и проигравших не оказалось – ничья!

– Результативная ничья, – промурлыкала Лима.

– Но отвечать буду я? – с улыбкой спросил эльф.

– Я, конечно, хочу знать, куда делась моя губная гармошка, – Лима выразительно покосилась на подругу, – но это я как-нибудь потом выясню.

Принцесса сделала вид, что к гибели губной гармошки не имеет ни малейшего отношения. Правда, не удержалась и вставила небольшую ремарку:

– У тебя не очень хорошо получалось. Звук был слишком пронзителен, особенно по ночам.

– Учту, – прицокнула Лима и, потирая руки, повернулась к эльфу. – Ух, сколько всего я хочу спросить. Но выбрать надо что-то одно. Что-то интересное и жгучее.

Лота поспешно вклинилась:

– У эльфов, как и у людей, разговоры о плотской любви в разнополой компании считаются недостойными.

Лисица вздохнула:

– Вот-вот, вечная цензура. Тогда так, Идрис, расскажи-ка нам о том моменте, когда тебе хотелось сгинуть и рассыпаться от стыда за содеянное.

Тяжело вздохнув, эльф шутливо произнес:

– И я вновь радуюсь тому, что не способен покраснеть. Во дворце живет ревнительница и хранительница традиций, высокороднейшая из высокороднейших, прекраснейшая из прекраснейших (и это официальный титул) леди Дьердре Глейрио. Н-да. Мне было лет пятнадцать или шестнадцать, и в тот день мне удалось исполнить свою мечту. Сами догадываетесь, о чем мечтают мальчишки в этом возрасте.

Лотанари мгновенно покрылась румянцем, а Лима одобрительно хмыкнула: лисица уважала чужую откровенность подобного рода.

– В общем, мы, а я был вместе с надежным другом, пробрались в винный погреб Повелителя и там основательно напробовались различных вин. – Идрис прикрыл глаза и даже головой покачал, показывая, как ему было вкусно. – Так напробовались, что лежали и не могли встать. Но могли ползти!

Принцесса захихикала, а Лима поскучала: ее народ не одобрял алкоголь. К чему травить организм всякой гадостью, если в лесу растут замечательные грибы? Организм их легко

усваивает, да и особой подготовки для потребления не требуется. И с людьми делиться не надо – для людей этот сорт грибов верная смерть.

– Надо же было так случиться, что наши побежденные вином тела выползли прямо в главный коридор, где как раз шла леди Глейрио, – Идрис смущенно улыбнулся. – На самом деле леди Дьердре замечательная и заботливая. Увидев наши слабо блеющие тела, она не допустила и тени мысли, что два юных благородных эльфа могли упиться вином. Нет. Она решила, что нас отравили. Весь дворец был поднят по тревоге, мой друг довольно высокого рода, да и я не совсем прост. Прибыли лекари из центрального дома исцеления, примчался по тревоге личный врач Повелителя, три его помощника и вся смена придворных магов.

Лотанари смеялась так, что ей перестало хватать воздуха. Да и Лима заинтересовалась историей.

– В общем, спустя пару часов мы были спасены от тлетворного влияния алкоголя. Отчитывали нас долго и нудно, но стыдно было не это, – тут Идрис погрузился. – Леди Глейрио смотрела прямо на меня, и в ее глазах была такая обида, такое разочарование... Да, именно в тот момент я больше всего на свете хотел рассыпаться пеплом и чтобы ветер сдул его куда-нибудь подальше. Но не вышло. Зато ближайшие полгода я был тих и благостен, учтив и почтителен, и очень, очень усерден в учебе. Особенно я налегал на колдовское искусство, поскольку на погреб навесили дополнительные заклятья. Но больше нас там никто поймать не смог.

Лота подозрительно посмотрела на Идриса и строго уточнила:

– У тебя проблемы с вином? Злоупотребляешь? Люди научились это лечить.

Эльф несколько секунд неверяще смотрел на принцессу, после чего со смехом ответил:

– Нет-нет, я очень осторожен в этом вопросе. Не больше бокала за обедом. Ну, если не считать каких-то особенных случаев.

Принцесса пожала плечами и решила не допрашивать Идриса. Во-первых, не ее дело, а во-вторых, она в этом ничего не понимает. Лима никогда не пила, других друзей-подруг у Лоты не было, а пить в одиночестве... Ну, настолько особенных случаев у принцессы не бывало.

Спустя пару часов игра наскучила что Лиме, что Лоте. И только довольный Идрис потирал руки: он больше не проиграл ни единого раза, и подруги крупно ему задолжали. Причем задолжали не в финансовом смысле – эльф потребовал семь сказочных историй от принцессы и две от Лимы.

– Надежда только на то, что ему больше трех сотен, – вздохнула принцесса, когда эльф выбрался из кареты и пересел на коня.

– Согласна, – кивнула лисица. – Если он наш ровесник – очень обидно.

Оставшиеся часы до Линоса Лотанари изнывала от скуки, а Лима просто дремала. Ей-то что? Перекинулась и спи. Лоте даже порой казалось, что ее подруга способна неделями спать, не просыпаясь, и при этом прекрасно себя чувствовать.

Сама принцесса изо всех сил боролась со сном. Отодвинув шторку, она рассматривала лес, изредка встречаясь взглядом то с Идрисом, то с Лавандовым эльфом. Она решила звать его именно так, поскольку никто из сопровождающих не представился.

Деревья сливались в одну сплошную монотонно-зеленую полосу, и первый эльфийский домик, маленький и небогатый, был воспринят принцессой как обещание скорой остановки. Но после него вновь пошел лес. И еще только через час они въехали на окраину Линоса. Карета загрохотала по мостовой, и Лима, встряхнувшись, вновь превратилась в человека. Лота только хмыкнула и отвернулась к окну.

Карета остановилась перед трехэтажным изящным зданием. Лота давно заметила, что все эльфийские дома как будто стремятся ввысь, словно их создатели мечтали жить в башне, но не сложилось. Тонкий, исчезающий и вновь проявляющийся растительный узор, теплые золотисто-коричневые тона и темно-зеленая черепичная крыша – вот типичный эльфийский дом. Но при всей типичности каждое строение было индивидуально. Маленькая Лота обожала

рассматривать картинки с изображением эльфийских городов. И больше всего на свете она мечтала побывать в Замке-на-воде, дворце Повелителя.

"Детская мечта сбылась странным образом", – хмыкнула про себя принцесса.

Так или иначе, а остановку кареты Лота восприняла как праздник и сразу же выскочила наружу. Лисица последовала за ней.

– А тут мило, – позевывая, поделилась Лима и поежилась. – Прохладный воздух.

– Да нет, – удивилась Лотанари. – Теплая ночь. Где же наши сопровождающие?

– Знамо где – вон, тащат что-то. Или спорят – по ним не очень-то легко понять, знаешь ли.

Лота повернулась и, смирив пораженный возглас, поправила подругу:

– Левитируют. Обсуждают и левитируют.

– Без разницы.

Эльфы, увидев, что на них направлен взгляд Лотанари, резко остановились и опустили свою ношу на пол.

– Пахнет вкусно, – принцесса принялась и закрыла глаза, – как в детстве. Помнишь, когда в Ните был эльфийский квартал?

– Прости, но нет, – с сожалением отозвалась Лима. – Я появилась в Ните за полгода до поступления в Академию. Зато я знаю, что раньше в вашей столице было наше посольство. И посол. Он знаешь как отзывался о людях?

– Ты с ним знакома?

– Нет, но у меня есть несколько его очерков. Так вот, о людях мне понравилась вот такая ремарка: "Веселые, любвеобильные, но не все. Женщин поить вином и кормить конфетами, грибы не давать – умирают. Мужчин не кормить, только поить. Грибы тоже не давать – умирают не все, но кто выжил... Лучше бы умер". Я ее даже запомнила, забавно, да?

– Да уж, – вздохнула Лотанари. – Иногда мне кажется, что ты немного высокомерна.

– Высоко-что? Я выше тебя, определенно, – фыркнула лиса. – Или ты про благородные замашки? Я из простой семьи.

– Из простой семьи, которая может позволить себе книги? Ты уж если не хочешь ничего рассказывать, то просто молчи. Я-то не обижаюсь, серьезно, а вот кто-то другой может подумать, что его держат за идиота.

Лима привычно отмолчалась, а через мгновение, хихикнула:

– Кажется, они планировали расстелить ковер от кареты до трактира, а длины не хватает. И как раз перед ковром грязевое месиво.

Присмотревшись, Лотанари поняла, что подруга права. И поразились, откуда эта зловонная лужа, если город поразительно чист, а мостовая суше пустыни?

"Нет, меня определенно пытаются вывести из себя. Хм, быть может, Повелитель умен и хочет узнать о своих невестах как можно больше?" – подумала Лота и хитро прищурилась: уж теперь ее точно никто не сможет вывести из себя. Она, безусловно, не фаворитка. Но она принцесса и манипулировать собой не позволит!

Но вообще он прав, рассуждала принцесса, вот так вот женится, а дражайшая супруга имеет дурную привычку бить посуду. И кто знает, быть может посуду она бьет не об пол, а об голову благоверного. Всякое ж бывает. Или, к примеру, обладает тонкой и ранимой душой. Такая не сможет принять делегацию из Лесного Королевства. Ведь сколько бы нот протеста ни посылали в лес, а двупостасные все равно во дворец входят как звери, а в людей превращаются уже перед троном. Маленькой Лоте никогда не разрешали присутствовать. А взрослая Лота сама бы рада не ходить, да никак не откажешься: старшая принцесса должна подать воду и хлеб. Никто другой, согласно традиции, делать это не имеет права.

"Хм, скоро осень, в этот раз воду и хлеб вручать будет Рина, – припомнила Лотанари. – Интересно, споткнется? Я-то чуть воду не расплескала, так старалась не смотреть".

– Может, просто магией уберем грязь? – проворчала Лима. – Я чую прекрасное печеное мясо. И я его хочу.

– Мясо? – встрепелась Лотанари. – Это совсем другое дело.

Принцесса выдохнула короткое заклятье, и грязь мгновенно высохла. Лима сделала резкий, агрессивный жест, и мостовая была очищена.

Эльфы же, увидев, что происходит, быстро разложили златотканый ковер.

– Прошу, Ваше Высочество. – Подошедший Идрис склонился перед Лотой и подал ей руку, предлагая шагнуть на ковер.

Принцессе искренне и от души было жаль топтать обувью златотканый ковер, но что она могла возразить? У всех свои игрушки, и после отпевания ни Лота, ни Лима не могут критиковать традиции эльфов.

– Здесь принимают нейрисские монеты? – спросила принцесса у Идриса. – Или придется искать менялу?

– Все оплачивает Повелитель.

– Ваш Повелитель слишком любит... – тут принцесса замялась, пытаясь подыскать емкое, но приличное слово. – В общем, мы хотим мяса. Жареного, печеного и соленого.

– Сырого, – добавила Лима, – любого.

– А овощи и травы? – удивился Идрис.

И лисица жестом показала, куда эльф может пихнуть и овощи, и особенно травы. Жест эльф оценил, обиделся и ушел.

– Я думаю, что он обладает высоким статусом при дворе, – Лота поняла, что ее предупреждение серьезно запоздало.

– Главное, что он не Повелитель. Уж слишком черняв, – припечатала Лима. – А заставляя лесную красавицу питаться травой – оскорбление, унижение, издевательство, и вообще так поступать нельзя.

– Прошу вас к столу. – К подругам подошел незнакомый эльф в сером наряде.

Рядом с ним находился Лавандовый эльф, но он, как и всегда, в разговор вступать не спешил. Впрочем, ему пришлось...

Жизнь не готовила принцессу Нериса к тому, что однажды ей придется сражаться за мясо. Точнее, за свое право оплатить и съесть то, что она хочет. Лавандовый эльф, когда разговор пошел на четвертый круг, поклонился, извинился и ретировался, попросив принцессу располагаться за подготовленным специально для нее столом.

Стол был прекрасен – молочно-белая скатерть с серебристым узором. Свечи, декор из живых цветов и яблоки. Только яблоки, зато самых разных видов: маленькие красные, большие красные, мелкие зеленые, крупные зеленые. В полосочку, желтовато-розовые и странно-фиолетовые.

– Они издеваются, – вздохнула Лота и сдула со лба выбившийся из прически локон.

– Определенная логика есть: некрасиво, что ты будешь платить сама за себя, – честно признала Лима. – Это если принимать во внимание все те книги по этике и этикету, которые ты меня заставила прочесть.

– Не думала, что ты читаешь, – удивилась Лота и добавила: – Мы с тобой будем кушать за одним столом, Лима. Ты точно уверена, что видишь в яблоках логику?

Лисица размышляла не дольше секунды:

– Странно, вот только отвернулась – и бац! Логика исчезла. В конце концов, ты же еще не во дворце Повелителя? Значит, отвечаешь сама за себя. Мы так-то и за комнаты заплатим можем.

– Вот и я о том же. Я еще не невеста, а только приглашенная, – кивнула Лота. – Смотри, к нам идет миротворец.

Лима, повертев головой, увидела спускающегося по лестнице Идриса и ехидно фыркнула: эльф явно собирался завалиться спать безо всяких ночных перекусов.

– Я была готова поспорить, что не видела лестницу, – проворчала принцесса, и лисица с легким смешком пояснила:

– Ушастые обожают иллюзии. Они пихают их везде, где только можно.

– Сейчас уже нет. – Идрис подошел к Ее Высочеству. – Что случилось? Гилрин не смог толком объяснить.

«Ага, значит, Лавандового зовут Гилрин», – отметила про себя принцесса, а вслух сказала:

– Мы не хотим яблок.

– Почему? – искренне удивился эльф.

– Мы хотим яблок после мяса, – с хищной улыбкой пояснила Лима. – Сочного, вкусного мяса. И я чую его.

– Да, теперь я понимаю, что случилось, – хмыкнул Идрис. – Эльфийки – существа возвышенные и нежные и не оскверняют свое тело грубой пищей.

Эльф помолчал, насладился ошарашенными лицами девушек и добавил:

– Прилюдно. Лицемерие как оно есть, но все привыкли.

– Мы можем заказать в свои комнаты? – уточнила принцесса.

– Не в эльфийской гостинице, – развел руками Идрис.

Лима, понимая, что все ведет к тому, что ей придется удовлетвориться яблоками, вмешалась в разговор:

– Я-то могу платить?

– Разумеется. Вы будете вкушать яблочки?

В этом вопросе Лота явственно различила ехидно-выжидательные нотки. Прищурившись, она спокойно ответила:

– Безусловно, и надеюсь, что мои сопровождающие разделят со мной сию трапезу.

И через полчаса эльфы были шокированы невиданным по их меркам зрелищем: принцесса с подругой едят с одного огромного блюда. Причем ни принцессе, ни рыжую наглую девицу ничего не смущает.

А еще Лота с удовольствием подметила, что эльфы яблоки едят без особого энтузиазма. Так же как и Идрис. Небось рассчитывали устроиться за соседним столом и заказать нормальную пищу.

«А ведь в таком случае я могла и взбеситься, – признала Лотанари. – Зато сейчас злятся наши бесценные сопровождающие».

Насладившись вкуснейшим мясом и мягким, еще теплым хлебом, принцесса выбрала самое крупное красное яблоко и с аппетитом им захрустела. Лима тоже не отказала себе в удовольствии погрызть сочный фрукт. У Лавандового эльфа взгляд стал откровенно обиженным.

«А вот нечего пытаться принцесс голодом морить. Сами попробуйте побыть нежными и возвышенными», – мысленно припечатала Лота.

По окончании трапезы к их столу подошла эльфийка в многослойном сером наряде и вежливо спросила, может ли она проводить гостей в спальни. Девушки согласились, что да, может.

Встав, Лота чуть поклонилась и безукоризненно вежливо поблагодарила господ эльфов за то, что они оказали ей честь и отужинали с ней за одним столом.

Спальня у девушек была одна на двоих. Две абсолютно одинаковые кровати стояли посреди полупустой комнаты.

– За этой дверью, – эльфийка указала на совершенно пустую стену, – ванная комната. Все принадлежности предоставляет наша гостиница.

Когда эльфийка покинула комнату, девушки принялись озираться в поисках ночных рубашек. Которые оказались спрятанными под подушки. Подергав носом, лисица постановила: чистые. Все чистое.

– Мне кажется, – проворчала Лима, – что мы тут не приживемся.

– Мир велик, – пожала плечами принцесса. – В Нерис я вернуться не могу, значит, отправимся путешествовать.

– Говорят, за горами есть Золотой Город, где живут чешуекрылые люди, – Лима мечтательно вздохнула, – вот бы их потрогать!

– Посмотреть, познакомиться, подружиться и только после этого – потрогать, – поправила подругу Лота. – Ух ты, о нас позаботились, по маленькой шоколадке оставили. Будешь?

– Ешь, я потом на охоту сметаюсь.

И Лота, как разумная и предусмотрительная принцесса, не стала уточнять, на кого собирается охотиться лисица. Все-таки в городе не так много животных, и...

"Не думай об этом, Лота, не думай", – приказала себе принцесса.

Глава 5

Утром Лота проснулась от целой серии раздраженного лисьего чиха – Лима не успокаивалась несколько минут.

– Ты чего? – сонно спросила принцесса. – Все хорошо или пора паниковать?

– Все хорошо, – гнусаво отозвалась перевоплотившаяся Лима. – И пора паниковать: у меня нюх отбило. Я как-то не подумала, что у эльфов такая хрупкая нервная система.

– А ты по нашим сопровождающим не заметила? – хмыкнула Лотанари и села на постели. – Что случилось?

– А вот насчет сопровождающих ты неправа: они довольно хорошо держались все это время. А случилось... Моя добыча выскочила на чужую лужайку. Кто мог знать, что это крысopodobное существо чей-то любимый песик?! Зато у нас есть удобрение – им в меня кинули.

Тяжело вздохнув, Лота рухнула обратно в постель.

– Лишняя информация, – пробурчала она.

Лима независимо пожала плечами:

– Я не сказала, что я его съела. И потом, ты же понимаешь, что я не человек? Я родилась лисицей и спустя пару лет превратилась в человеческого ребенка.

– Я знаю, Лима. – Лотанари высунулась из-под одеяла. – И у меня нет проблем с твоим рационом. Просто... Почему не зайчики?! Или белочки, или, я не знаю, тетерев какой-нибудь?!

– Я лисица, а не эльф со стрелами, – возмутилась Лима. – Как я тебе тетерева поймаю?! Сожру – запросто, но поймаю-то как? Зайчики – да, это хорошо, но лес далековато. Белочки тоже, знаешь ли, не всегда на зуб попадают. Да и ночью я скорее развлечься хотела, чем поесть. Хотя под утро... не зеленей, я просто уточняю, что уже позавтракала.

"Надеюсь, не помойной крысой?" – хотела спросить принцесса, но не стала. Лима могла соврать чужому человеку или эльфу, но с подругой она порой была до болезненности честна. Видимо, компенсировала тайну своего происхождения. Хотя Лотанари давно все вычислила. Ну, не так чтобы прям все-все, но многое.

– Что ж, я первая в ванную, – проворчала принцесса.

– Иди, – Лима зевнула. – Я пока почитаю, как этой дрянью пользоваться. А то вдруг не хватит – многое просыпалось.

Встав, Лота бросила короткий взгляд на бумажный кулек в руках подруги и скептически уточнила:

– А что, ты еще и инструкцию попросила?

– А? А, нет, тут вот написано. – Она встряхнула кулек, и с него сорвалось фиолетовое облачко. – Пчхи-пчхи-пчхи! Пчхи!

– Будь здорова, – фыркнула Лота. – Может, ты его отложишь? А я потом прочту.

– Ты не прочтешь, ты, как и всегда, будешь действовать по интуиции. И я уважаю такой подход, но все-таки эльфы занудны. Особенно придворные – туда как будто нормальных не берут. Кстати, если вдруг тебе скажут, что эльфийки не сквернословят – не верь. Этот вот подарочек сопровождался такой площадной бранью, ух! Я даже заслушалась.

– Надеюсь, у эльфийки не будет психологической травмы, – хихикнула Лотанари. – Все-таки увидеть на своей лужайке лисицу, которая душит твоего пса... А потом внимательно слушает твою ругань – это серьезное испытание.

– Да какого пса?! Эта тварь дрожащая мне по колено была! И это я сейчас про свой второй облик!

Прежде чем Лота успела ответить, в дверь постучали. Вчерашняя эльфийка принесла благую весть: подан завтрак.

– Интересно, как вчера? – задумчиво спросила Лима.

– Я не особенно голодная, – так же задумчиво ответила Лотанари. – Все-таки поели мы поздно и плотно – не все переварилось.

Подруги переоделись во вчерашнюю одежду – Лота освежила ее заклятьем – и спустились вниз. Где непосредственная Лима, увидев накрытый стол, протерла глаза и обиженно протянула:

– И эти эльфы вчера заставляли нас трескать яблоки?! Если бы знала, что ждет нас утром, не ела бы ночью.

Завтрак по-эльфийски поражал воображение – разнообразие жирного, жареного и соленого. Пышные хлеба и копченая рыба, с десятков мисочек с разнообразными соусами и несколько запотевших кувшинов с морсом и свежавыжатым соком. Это все шепотом поведала лисица, чей курносый нос трепетал, прислушиваясь к аппетитным запахам.

– Я слышала, – глубокомысленно произнесла лисица, – что мой народ способен наедаться впрок. Стоит попробовать, как думаешь?

– Определенно, – хмыкнула Лота. – Идем?

– Будет обидно, если для нас отдельно приготовлен фруктовый салат.

Принцесса пожалала плечами: она была не голодна и вполне согласилась бы на чашку с творогом и орехами.

– А где все? – спросила Лота, когда они спустились в зал и за их спинами с легким шуршанием распустилась иллюзия, скрывающая лестницу.

И, как по волшебству, эльфы появились в зале.

– Наверное, выжидали, – едва слышно шепнула Лима. – Человеческий и эльфийский этикет схожи, они не могли сесть за стол без тебя. Но и деться тут некуда.

– Конечно, схожи, – так же, едва размыкая губы, ответила Лота. – Мы же с них его и списывали. Местами упростили, местами усложнили, местами извратили – в общем, постарались.

– Доброе утро, господа, – с широкой улыбкой произнесла Лотанари, когда эльфы достаточно приблизились.

– Арристаэль ирлори, – прозвучало хором.

– Ирлори, – согласилась Лота.

– Арристаэль, – поддакнула Лима, и все на нее посмотрели очень странно.

– Что? – подозрительно уточнила лисица.

– Арристаэль ирлори – это доброе утро от нижестоящих к вышестоящим. Высокородная эльфийская леди отвечает ирлори, высокородный эльфийский лорд отвечает арристаэль. Теперь ты особенно интересна в глазах эльфов, – шепотом пояснила Лота, пока все рассаживались.

– Неловко вышло, – наморщила нос Лима. – Ну да и ладно. Хотя погоди, а они не делают скидку для идиотов? И неграмотных?

– Идиоты и неграмотные – молчат, как правило, – отозвалась Лотанари.

Лисица ошарашенно посмотрела на подругу и саркастично уточнила:

– А ты вообще видела неграмотных идиотов? Они никогда не молчат!

Сев за стол, Лотанари пожелала всем приятного аппетита и негромко спросила у Идриса, севшего от нее по левую руку:

– Это обычный завтрак или для нас расстарались?

– Мы всегда завтракаем плотно, – уклончиво пояснил эльф. – Но, как правило, в нашем рационе больше рыбы, чем мяса.

Кивнув, Лота принялась завтракать. При этом она не забывала поглядывать на эльфов и отметила, что те действительно выбирают исключительно рыбу.

"Эльфийский завтрак – хлеб и рыба, на ночь яблоки. Интересно, что на обед?" – думала Лота, воздавая должное превосходному жареному бекону. Сидящая справа Лима несколько

не заморачивалась наблюдениями, а просто и с удовольствием уплетала тушеную зайчатину. Лисица явно решила налопаться до состояния рыжего шарика.

Когда все насытились, а к столу подали чай с крошечными пирожными, Идрис нарушил царившее молчание:

– Вам нужно прибыть во дворец за пару часов до обеда или же после обеда. Вы, леди Шан Нейрин, последняя невеста, и как только вы заселитесь в свои комнаты – начнется Отбор.

– А разве не все прибыли к одному времени? – удивилась Лотанари. – Или мы так сильно опоздали?

– Первая невеста прибыла ко двору Повелителя семь недель назад.

– Что ж она там делала все это время, несчастная женщина? – поразилась Лота.

Идрис как будто обиделся и скупно бросил:

– У Повелителя прекрасная библиотека, художественный зал, несколько комнат для музицирования. И большой парк.

– Но ведь дворец Повелителя – это Замок-на-воде? – удивилась принцесса. – Я видела гравюры, там только замок, разве нет?

– Парк внутри, за высокими стенами, – с голоса Идриса звучала настоящая гордость. – Мы оберегаем парк от любого внешнего воздействия, только там произрастает несколько редких растений, которые были почти уничтожены. Да и певчие фрукты приходится защищать, очень уж до них охочи браконьеры. Каждая невеста получит такой фрукт в подарок.

Лотанари была впечатлена щедростью Повелителя, но, видя, что Идрис открыт к общению, осмелилась задать ему вопрос:

– А с вашим Повелителем все в порядке?

– А у леди Шан Нейрин есть сомнения? – поперхнулся Идрис.

– Певчие фрукты – роскошный дар, но довольно специфический. Его либо бездарно засушить, используя в дальнейшем как погремушку для ребенка, либо продать. Все-таки вряд ли все невесты Повелителя – артефакторы высочайшего класса. Я – точно нет. Вот и получается, что подарок будет или продан, или передарен, или погублен. То есть бессмысленен.

Хмыкнув, Идрис кивнул:

– Но что делать, если это традиция? Повелитель не дурак и понимает все, что вы предположили. А я так и вовсе уверен, что один из родов не зря на отбор прислал обеих дочерей.

– Если Повелитель не бедствует, – Лота ковырнула ложечкой крошечное пирожное, – то он может поступить очень хитрым образом. Подарить певчий фрукт и услуги артефактора. И сразу запечатлеть артефакт на хозяйке.

– У людей есть поговорка, – промурлыкала Лима и чуть перегнулась, чтобы видеть Идриса, – на елку влезть и зад не ободрать. Вот тут, как мне кажется, она идеально подходит.

– Не очень поэтичная поговорка, – отметил эльф. – Но довольно любопытная идея.

– У нас редко какие поговорки поэтичны, – признала Лотанари, – но ведь в поговорке главное – смысл. Если же кто-то возжелает исключительной красоты, то можно почитать стихи. В особенности эльфийские.

– Могу я сделать вывод, что смысла в наших стихах нет? – нахмурился Идрис.

Замявшись на мгновение, Лотанари постаралась убедить его в том, что эльфийские стихи самые осмысленные в мире.

– Мало кто способен подобрать к небесам сорок пять синонимов и все их использовать, – убеждала эльфа Лотанари.

Лима старательно и выразительно молчала – пока принцесса учила эльфийские стихи, лисица спала. Ибо неимоверно занудный эльфхиирский эпос вгонял ее в почти медвежью спячку.

– Эльфийская поэзия есть в каждой библиотеке, – добавила принцесса.

– Подтверждаю, – важно кивнула Лима. – Корешки у книг потрясающе оформлены, а потому эльфхиирский эпос всегда стоит на самом видном месте.

Идрис смерил лисицу нечитаемым взглядом и коротко произнес:

– Я должен прибыть ко дворцу раньше вас. Чтобы выслали лодку. Так когда вы придёте – до обеда или после? К слову, ваши сундуки с одеждой уже должны быть подняты в комнату.

– Определенно до обеда, – уверенно произнесла принцесса. – Как я полагаю, явиться нужно в традиционном наряде?

Она тоже торопилась покинуть зал. Все-таки личное мнение личным мнением, а за языком следить надо. Лоте крайне неловко из-за того, что она не додумалась просто свернуть разговор и перевести тему. А так она, считай, расписалась в том, что не терпит эльфийскую поэзию.

«Но как ее терпеть, если она ломает мне мозг?!» – мысленно взвыла принцесса и решительно направилась наверх. Одеваться.

– Вот и пришел тот самый момент, – торжественно произнесла Лима, – когда тебе настала пора попрощаться с талией.

– Тебе тоже, – буркнула Лотанари.

– А мне-то и лучше, эти тряпки раз-раз и надела. Да и выбираться из них проще, чем из корсета. На самом деле страшен не эльфийский наряд, а эльфийский макияж.

– Макияжу я говорю нет, – строго произнесла Лота. – У меня сверхчувствительная кожа.

– У них есть щадящая косметика, – развеселилась лисица. – А еще сверхчувствительные эльфийки используют иллюзии. Они закрепляют их при помощи венца.

– Интересно, у каждого эльфа есть венец?

– У каждого. Там какая-то ерунда с совершеннолетием. Видишь эльфа без венца? Он малолетка. Другое дело, что эльфийский малолетка – это человеческий тридцатилетний мужик, – лисица пожала плечами, – но тут уж ничего не поделаешь.

– То есть все, кто нас сопровождает, – старше тридцати?

– Угу. А еще они все довольно обеспеченные. Здесь, в городе, я видела эльфов и эльфиек с деревянными венцами.

Лотанари попыталась представить это и, потерпев сокрушительное поражение, потребовала подробностей.

– Ну, вот все то же самое, только из полированного дерева. И с янтарем. Красиво на самом деле. И сразу становится понятно, что эльфы те еще борцы за классовые различия.

– Классовые различия? – поперхнулась смехом Лота. – Ты опять на Болтливой площади была?

– Там можно услышать много интересного. Ты вот хоть что-нибудь знаешь про угнетение верующих?

– Угнетение?! Угнетение?! Тебе напомнить, кто продавил мое отпевание?! Всех бы так угнетали, как мой отец храмовников, – с обидой ответила Лотанари.

– Вот, а им мало. Они страдают. Они хотят жечь других людей на кострах, – Лима вздохнула, – а им не дают. Людям нравится убивать друг друга?

– Не всем и не всегда, – уклончиво отозвалась Лота.

Сундуки действительно были наверху. Лотанари с грустью смотрела на аккуратные шелковые «колбаски» – скрученную в валики эльфийскую одежду. Конечно, приличная принцесса все бы развесила на вешалки и взяла другой сундук, но леди Шан Нейрин не видела в этом смысла. Разгладить шелк – дело одного простого заклинания. А вот мучиться с огромным длинным сундуком... Еще неизвестно, где и как и во дворце поселят! Мода на аскетизм в Эльфхиире уже была и неизвестно когда вернется. Эльфы в этом смысле довольно резкие. Это фасон одежды столетиями не меняется, как и фасады домов. А вот внутреннее убранство –

никогда не угадаешь, когда ушастики выкинут мягкую мебель и введут в моду жесткие деревянные скамейки!

«А как они тогда потребовали убрать кровати? И спали на полу? А вместо подушек использовали полированные деревянные чурочки?» Лота передернулась.

– Так чем ты будешь покорять сердце Повелителя? – Лима подкидывала на ладони жемчужно-серый валик. – Я это возьму, если ты не против. Тебе все равно серый не очень идет.

– Серый мне замечательно подходит, – проворчала принцесса, – но не в таком исполнении. Бери, не сомневайся. А я надену фиолетовый. И подкрашу брови и ресницы.

– Белым?! – ахнула лисица.

– Черным, – буркнула Лота. – Я решила быть отвратительно немодной.

Лисица неоднозначно хмыкнула и принялась переодеваться. Лотанари последовала ее примеру, и минут через двадцать подруги занялись волосами. В этот раз принцесса все-таки согласилась принять помощь. Все же сложно подобрать стоящую прическу к воздушным эльфийским тряпкам. Да и потом, вряд ли все будет как в прошлый раз.

«Или позапрошлый?» – задумалась Лота, вспоминая, когда же подруга последний раз помогала ей с волосами.

– Подобрать с висков, а остальное пусть свисает? – предложила Лима.

– Свисает жир с боков, – проворчала помрачневшая Лотанари, – а волосы струятся по спине.

– Сказала бы я, что струится, – фыркнула лисица. – Но не буду. Так что, на висках подбираем? Может, закудрявить тебя?

– Только если крупными локонами, как волной.

Лотанари создала небольшой табурет и присела, чтобы подруге было удобнее.

– Ну тут уж прости, а как получится, так и будет. – Лима хрустнула пальцами и принялась колдовать над волосами Лотанари.

Через пару мгновений подруги поняли, что волосы придется собирать в косу: Лима вновь слегка перестаралась, и вместо крупных локонов получились барашкины пружинки.

– Значит, в следующий раз получится, – оптимистично отозвалась лисица. – Сама же знаешь, у меня через раз получается. Зато косы я плету роскошные – сложные, многорядные. Жалко только, жемчужных шпилек нет!

– Иллюзию брошу, – отмахнулась Лота. – А вот если бы платье было облегающим, то эта кудрявая масса волос была бы очень даже ничего. Хотя погоди, какая иллюзия! У нас же есть жемчужные нити, с ними плети.

Лима, сосредоточенно сопя, выплетала из непослушных волос косу. Лота только негромко охала, когда расставалась с очередным слишком упрямым волосом.

– Слушай, мне стыдно, – сказала вдруг лисица. – Но что за певчие фрукты? Они воют? Поют? Они животные в виде фруктов? Как фрукт может петь? Магия?

– Листья, – рассмеялась принцесса. – У дерева два вида листьев. Те, которые просто листья, – резные, красивые, но обычные. А те, которые крепятся к плодоножке, – с дырочками. И когда есть ветер, то кажется, что фрукт поет. Больше всего это похоже на игру на флейте.

– В нашем лесу таких нет.

Принцесса грустно вздохнула:

– У вас холодно. А у нас они все уничтожены – эти фрукты нельзя съесть, но из них можно сотворить великое множество прекрасных вещей. Фактически все дерево можно разобрать на компоненты для артефактов. К примеру, шкатулки из этих фруктов получаются самыми надежными – их сможет открыть только хозяин или хозяйка. А еще можно будет приказывать шкатулке уничтожить свое содержимое.

– Что-то я не вижу особой ценности, – нахмурилась Лима.

– Эх ты, лесная красавица. Представь, что ты ведешь секретную переписку. А тут у тебя требуют открыть и показать, что внутри шкатулки. А ты раз – а там пусто.

– Можно обычную зачаровать.

– Можно, но опытный артефактор распутает даже самую сложную вязь заклятий и скажет: ага! Содержимое было уничтожено! И дальше тебя под белые рученьки и в пыточную.

– Допустим, ты права. Но ведь эти свойства шкатулок широко известны, так что все равно пыточной не избежать, – нахмурилась лисица.

– А вот тут уже возможны варианты, – хмыкнула Лотанари. – Шкатулка подчиняется только тому, на кого она запечатлена. Артефактор, даже тот, который ее создал, ничего из нее вытащить не сможет. Ни материальную информацию, ни информацию колдовского характера.

– Но все будут понимать, что произошло.

– А доказать? В Нерисе, слава отцу и его совету министров, угнетены не только права верующих, но и права мастеров над пытками. И потому, прежде чем приступить к каленому железу, нужно получить для этого основания.

– Хм. А почему высохшие фрукты отдают детям?

– Погремушка – правильно высушенные, они похожи на шарик с ручкой. И звучат красиво. Когда-то к таким «погремушкам» даже пьесы писали. Но в моду не вошло – дорогогато будет такой ансамбль собрать.

– Все, я закончила.

Лота встала со стула, сотворила зеркало и тяжело вздохнула. Что ж, эльфийские тряпки ей по-прежнему не идут, но без выбеленных бровей, ресниц и губ она уже не похожа на тупую корову.

– Вообще, когда я гуляла ночью, видела подпоясанных эльфиек, – задумчиво произнесла Лима. – Но что-то мне подсказывает, что это были неправильные эльфийки.

– Надо просто спросить. Потому что если добавить пояс, то я могу полюбить эти многослойные туники.

Быстро подкрасив брови и ресницы, Лотанари повернулась к подруге и широко улыбнулась:

– Немодная я готова к приключениям!

– Ура, – хмыкнула Лима и в несколько пассивов создала в волосах принцессы иллюзию нескольких нежно-розовых цветов. – Теперь точно готова.

Спустившись вниз, Лота тут же подошла к Лавандовому эльфу.

– Прошу прощения, риэль Гилрин. Лима видела в городе подпоясанную эльфийку. У вас изменилась мода? Мы еще успеем купить пояс? Или... С вами все в порядке, риэль?

Глядя на пошедшего пятнами эльфа, Лотанари начала судорожно вспоминать все, что ей известно из исцеляющих заклинаний. Но, как назло, на поверхность всплывали лишь всякие глупости – как отогнать икоту, как прочистить дыхательные пути...

"О, может, прочистить ему дыхательные пути? Вдруг он что-то тихонько жевал, когда я его окликнула?"

Но прежде чем Лота успела блеснуть колдовскими познаниями, эльф справился со своим неожиданным приступом и, согнав со щек красные пятна, тихо-тихо что-то сказал.

– Простите, риэль, – подалась вперед Лотанари, – я не расслышала.

– Он сказал, что пояс носят только продажные женщины и только ночью, – повторила вместо эльфа Лима.

Гилрин кивнул и, поклонившись, поспешно отошел в сторону.

– И стоило так смущаться, – проворчала Лота. – Я думала, он прям у нас на глазах дух испустит.

– Зато мы бы точно узнали, превращаются ли эльфы после смерти в деревья, – пожала плечами лисица.

Моргнув, принцесса задумчиво произнесла:

– Не узнали бы: если превращение происходит сразу после смерти, то из половины домов должны торчать деревья. Быть может, они из могилы прорастают?

Лисица пожалала плечами и сменила тему:

– Хорошо, что я не тиснула с веревки поясок. Я бы могла, но удобрение мешало.

– Лима, воровать нехорошо, – укорила подругу принцесса и тут же подозрительно прищурилась, – а в тебя точно кинули удобрением? Или ты пробралась в дом?

Лима посмотрела на подругу честными глазами и проникновенно ответила:

– Точно кинули. Сама бы я была куда аккуратней. А к веревке я бы могла приклеить мелкую монетку. Я тот пояс потому и не взяла, что он был откровенно так себе.

Так, болтая, подруги вышли на улицу и ахнули: кто-то снял с кареты иллюзию.

– У Ринки будет истерика длиною в пару месяцев, – выдохнула Лотанари.

– Это та самая карета, что шарх Аконахар прислал твоему отцу? – заворуженно спросила Лима.

– Она самая, – кивнула Лотанари. – Надо же, а я и думаю, что она такая просторная и не трясет. Так-то я решила, что это из-за нервов. Ну, что мне так плохо в душе, что тяготы дороги не заметны.

– Это ведь первый выезд для этой карты, да? – Лима коснулась бело-золотого бока кареты, подковырнула когтем драгоценный камень и довольно хмыкнула: – Крепко сделано.

– Да. Папа велел поставить карету подальше от наших экипажей и сам, лично, накрыл ее защитным куполом. Мама же сразу начала требовать карету для Талорины. Там же все зачарованное, не трясет и не качает, самое то для избал... для больного ребенка.

– Да, новой жемчужине рода Нейрин нанесли сразу два удара: из зеркала и с конюшни, – хмыкнула Лима. – Вот даже с некоторым трепетом внутрь залезаю, а ведь мы там уже были.

Лотанари испытывала схожие чувства. А еще ей было дико интересно, чья это была идея: отца или брата? Все-таки передать подарок шахра отпетой дочери – это довольно рискованный политический ход.

"А с другой стороны, нельзя бесконечно держать подарок в запасниках, посол Шахрии не дремлет и не забывает подкупать прислугу. Одно дело – отдать подарок любимой дочери, что навеки покинула королевство, а совсем другое – отказаться использовать карету и отдать младшему ребенку. Тут прямое оскорбление из разряда «ваш подарок недостаточно хорош». А мама бы папу в покое не оставила, и в итоге братец бы сжег карету ко всем дрархам", – вздохнула про себя Лота.

Когда принцесса открыла дверцу кареты, она с трудом удержала возглас: внутреннее убранство тоже изменилось. Помпезное золото, пурпур и тонкий белый орнамент. Шахр Аконахар обожает подобную роскошь и своему новому союзнику преподнес лучшее, что у него было. Вот только в Нерисе мода на это сочетание цветов уже давно прошла.

– Привыкнем, – хмыкнула Лима. – Лейсир тоже сторонник вырвиглазной роскоши.

Лотанари только вздохнула: когда лисица расслаблялась, то допускала очень откровенные оговорки. Такие, как поминание лесного владыки по его семейному имени. Для того чтобы называть Лейсироэнари просто Лейсиром, нужно быть женой, дочерью или любовницей. Лима совершенно точно не могла быть супругой Лейсироэнари, а потому Лота металась между двух вариантов: дочь или любовница. Доказательств было поровну.

"Когда-нибудь я решу эту головоломку".

До замка Повелителя добрались всего за час. Затем подруги с восторгом наблюдали, как из пучины озера поднимается тонкий хрустальный мост, как вода нехотя отпускает его и как рассыпаются радужными искрами крохотные капли воды.

– Эльфы истинные мастера иллюзий, – с восторгом прошептала Лотанари. – Я ведь даже понимаю, как именно добились такого эффекта, но все равно трепещу.

– А я и близко этого не представляю, но все равно трепещу, – пожала плечами лисица. – Хотя и ненавижу иллюзии, мы против них беззащитны. Моя мама погибла в ловчей яме. Говорят, она умирала несколько дней – ловушка не пропускала ни звуков, ни запахов. Ее нашли, только когда заряд магии иссяк. А знаешь, кого ловили? Волка. Обычного серого волка – кому-то срочно понадобилась волчья голова в качестве трофея.

Лотанари подседа к подруге и крепко обхватила ее за плечи. Какие-либо слова тут были бессильны, но теплые дружеские объятия могут отогнать любую тучу. Даже такую болезненную и черную.

– Отомстили? – спросила она у рыжей макушки.

– О да, – выразительно произнесла Лима. – О да.

После хрустального моста карета въехала во внутренний двор замка.

– Так, мы сами вылезаем или вон та пафосная процессия по нашу душу? – Лима выбралась из объятий Лоты и выглянула в окошко.

– В Нейресе, как правило, из кареты гости выходят самостоятельно, – задумчиво ответила Лотанари и тоже посмотрела на улицу. – Ух, та белая леди, наверно, и есть легендарная Дьердре Глейрио?

Принцесса с искренним восторгом рассматривала идущую впереди процессии эльфийку.

«Ее можно счесть произведением искусства», – подумала Лота. И в каком-то смысле это было истинной правдой. Леди Глейрио казалась неземным созданием. Ее развевающиеся одежды были искристо-белыми, с легким, едва заметным голубым орнаментом. Белые уложенные волосы спускались ниже колена, а на лице застыла маска отчужденного спокойствия. Кукла, идеально вылепленная кукла.

– А хорошо, что мы тебя заплели. А то бы у вас была одна и та же прическа.

– Плохо, что заплели, – теперь скажут, что я за ней повторяю.

Видя, что среди встречающих только женщины, Лотанари поспешила выйти из кареты. Все-таки если бы кто-то и должен был им помочь, то это явно были бы мужчины.

– Сдается мне, что это невесты. И их надзирательница, – задумчиво произнесла Лима. – Недобрые у них лица. Где там мой лук?

– Мы не можем в них стрелять, Лима.

– Я слышу грусть в твоем голосе, – хмыкнула лисица и оживилась: – О! И кто кого сейчас будет арристоэлить?

– Чего?!

– Ну это вот хитровыделанное приветствие нижестоящих вышестоящим, – Лима кивнула на эльфиек, – кто кого, Лота?

Лук был далеко, и это успокаивало Лоту. Нет, она не думала, что Лима может пристрелить кого-то из эльфов. Но вот выстрелить и пришить подол платья к полу – запросто, прецеденты уже были. Сколько было крику, сколько было вою – у Лотанари неделю болели голова и живот. Голова из-за нотаций, а живот от смеха.

– Так что? Они все ближе, – страшным шепотом спросила Лима.

– Я по-прежнему принцесса Нериса, – едва шевеля губами, ответила Лотанари. – А они просто высокородные леди.

Просто высокородные леди замерли в шести шагах от подруг. Серьезностью ситуации проникся даже кучер – мужчина собрался было раскурить трубочку, но остановился. Стук от выбиваемых табачных остатков показался ему слишком неуместным.

"Уступить я не могу – мне здесь еще жить и жить, – отстраненно размышляла Лота. – Главное, чтобы Лиме не надоело ждать и она не решила форсировать события. Так или иначе, а я – единственная принцесса из здесь присутствующих".

Кучер вздыхал и мялся, и Лотанари ему очень сочувствовала: мужчине явно хотелось слезть уже на землю, размять ноги. Покурить, отдохнуть. Но он терпеливо ждал, чем закончится это смешное и глупое противостояние.

Хорошо, что у лошадей не было этой проблемы, – гневно заржав, гнедая кобылка навалила такую кучу "яблок", что от мгновенно разлившегося по двору запаха начали слезиться глаза.

"Ничего, после того, как Лима пришила леди Нанье к полу, нам неделю пришлось чистить королевские конюшни, – фыркнула про себя Лотанари. – Так что мы от этого запаха не умрем".

А вот эльфийским леди явно стало дурно. Или они посчитали хорошим тоном притвориться, что им плохо. Все же эльфийские пакетированные удобрения далеко не розами пахнут, а все эти разряженные красавицы должны уметь ими пользоваться. Иначе какие же они эльфийки?

– Мы счастливы встретить последнюю невесту Повелителя, – мелодично произнесла леди Глейрио.

– Ого, а вонь стимулирует, – едва слышно хихикнула Лима.

"А эльфийский слух хорош", – мысленно подметила принцесса, увидев, как одна из невест пошла некрасивыми алыми пятнами. Это была явная реакция на ремарку лисицы. "Если они всегда так будут реагировать, то я даже не знаю... Как бы нас из дворца не выгнали", – вздохнула про себя Лотанари.

– Благодарю за достойную встречу, – дипломатично произнесла принцесса.

Больше леди Шан Нейрин не сказала ничего, предоставив эльфам возможность продолжить. Леди Глейрио тонко улыбнулась и произнесла:

– Нас ожидает церемония знакомства. Прошу вас следовать за мной. Ваш человек и ваши звери будут размещены достойно. Ваша служанка...

– Лимаатрис моя сестра, леди Глейрио, – оборвала эльфийку Лотанари. – По старому человеческому обычаю и по традиции Леса. Также нас связывает кровный равноправный контракт.

Эльфийки держали лица лучше, чем их мужчины. На пятерых невест и леди Глейрио пришлось всего три пораженных вздоха и одно потрясенное ругательство. Кому оно принадлежало, Лота не успела заметить. Но принцесса все равно порадовалась: не так все грустно во дворце повелителя, если хоть кто-то из высокородных леди умеет грязно ругаться.

– Мы подготовили только одни покои, – заметила белая леди.

– Это не проблема, – спокойно ответила Лотанари.

– Я все равно не согласилась бы оставить сестру в одиночестве, – поддакнула Лима. – А то мало ли что, мало ли кто.

– Вы полагаете, что во дворце Повелителя принцессе Нериса может угрожать опасность? – голос леди Дьердре не дрогнул, но в безразличном взгляде появилась искра интереса.

– Я уверена, что принцессе ничего не угрожает, – широко улыбнулась Лима, – но лук у меня есть. И стрелы – тоже. Вдруг пригодится?

Леди Глейрио поспешила свернуть беседу и попросила невест и их сопровождающих следовать за ней.

– Церемония знакомства пройдет в Эльриир-тин, беседке невест. Каждая из вас назовет свое имя и свой талант, затем вы скажете, кем вы себя видите рядом с Повелителем.

Лима гаденько хихикнула и пихнула Лоту локтем:

– И каков твой талант?

В ответ Лота только фыркнула и чуть ускорила шаг, пока эльфийки не пропали из виду.

– Запоминай дорогу, – шепнула принцесса.

– Не могу – нюх отбит окончательно. Удобрение пошатнуло мое здоровье, и удар конским навозом добил мой нос, – буркнула Лима. – Теперь дня три ничего учуять не смогу.

– Ох, бедная моя, – посочувствовала Лотанари. – Тогда попробую запомнить сама.

Принцесса давно привыкла полагаться в таких вещах на подругу – Лима была незаменима в качестве проводника.

"Так, со двора внутрь замка, по широкой лестнице наверх, потом по такой же лестнице вниз, налево, направо, налево, направо, статуя, направо и... ох..." – Лота проговаривала про себя путь и оказалась не подготовлена к виду эльфийского сада.

– Они кастрировали Лес, – потрясенно выдохнула Лима и добавила: – Но получилось красиво.

Комментарий подруги несколько сбавил градус восторга Лотанари, но не убил его напрочь. А потому Лота позволила себе как следует осмотреться и насладиться тонким ароматом цветов и трав. В саду все росло в удивительной гармонии. Взгляду не за что было зацепиться – не было каких-то помпезных клумб или вычурных фонтанов. Нет, одно проистекало из другого. Вместо фонтана веселый ручеек, с дном из разноцветных камешков. Одна статуя обвита плетистой розой, другая рухнула на землю и оказалась обвита плющом. Цветы росли так, будто их никто не сажал, и нигде не было видно голой земли – о прополке эльфы явно ничего не знали. Это был потрясающий сад!

"Идеальное равновесие, – подумала про себя Лотанари и порадовалась, что того бело-голубого кустика, что они привезли, нигде не видно. – Вот они обрадуются-то! А то неловко могло получиться, если бы он тут уже рос".

Прелестная белокаменная беседка появилась неожиданно, как будто вынырнула из складки пространства-времени.

– Прошу невест пройти вперед. Внутри беседки шесть плит. Одна плита – одна невеста, – коротко произнесла леди Глейрио. – Не стоит бояться, леди. Этому ритуалу не один век.

– Надеюсь, эти плиты не станут нашими надгробиями, – шепнула Лотанари Лиме.

– На этих плитах будут выбиты ваши имена, – продолжила леди Глейрио. – Рядом с именами тех, кто принимал участие в прошлых Отборах.

Эльфийки важно и неторопливо начали подниматься по узким ступеням. Лота решила, что ее вполне устроит войти в беседку последней. Ибо она и близко не представляла, что сказать.

– Сначала отпели, теперь хотят увековечить в камне, – проворчала леди Шан Нейрин, – как я до этого дошла?

– Ногами, – фыркнула Лима. – Иди и порази всех своими навыками и талантами. Тут как в мире животных: у кого хвост ярче и голос громче, тот и самый привлекательный самец.

Лотанари поперхнулась и возмутилась:

– Я самк... Тьфу, я женщ... Да ради Четверки! Я девушка, а не самец.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.